

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Катерина Мурашова

КНЯЗЬ-ЧАРОДЕЙ ВСЕСЛАВ ПОЛОЦКИЙ

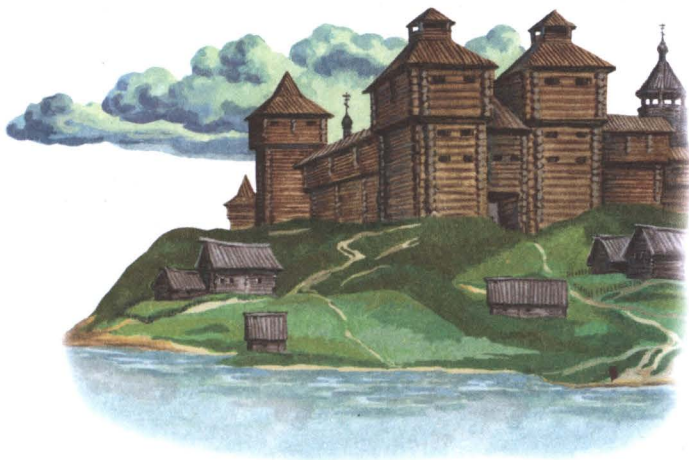
Художник Андрей Мазин

БЕЛЫЙ ГОРОД

Москва, 2004

РОЖДЕНИЕ ВСЕСЛАВА

...А и синее море сколыбалось
Для-ради рожденья богатырскова,
Молода Волха Всеславьевича;
Рыба пошла в морскую глубину,
Птица полетела высоко в небеса,
Түры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицам,
А волки, медведи по ельникам,
Соволы, кўницы по островам.

Былина о Волхе Всеславиче

Миловидная ясноглазая и чернобровая женщина словно светилась изнутри. Солнечный свет, проникавший в княжеские покои через высокие, узкие окна не мог спорить с этим внутренним светом, молодившим тонкое, обычно печальное лицо.

— Что случилось, любя моя? Скажи скорее своему князю...

— Дождаться не могла... Как приехал, все люди у тебя да дела, дела... Радость у нас!

— Какая же радость? — князь уж почти угадал, но все никак не мог поверить. Неужели теперь, после стольких лет, когда оба почти отчаялись?..

— Ребенок у нас будет — сын, князь Брячислав Изяславич!

— Ох, любя! — князь не сдержался, вскочил со скамьи, прижал жену к широкой груди, спрятал раскрасневшееся лицо в ее повойнике — негоже князю свои чувства показывать. — Отчего же ты знаешь, что сын? Может, дочь?

— Знаю. Волхвы сказали: сын!

— Почему волхвы? Откуда волхвы?! — князь отстранил жену, тревожно глянул из-под нависших седоватых бровей.

— А куда мне еще податься было! — женщина смущенно потупилась, словно признавая свою вину. — Во всех церквях молилась. В Киев, к Святой Софии, на поклонение ездила. Святую воду пила. Сколько лет на коленях стояла. Вот волхвы помогли! Травы их пила, в полнолуние на Волчий холм ходила. Что ж теперь? — жена князя выпрямилась, с вызовом глянула на мужа. — Ты такому сыну не рад?

— Да рад я, рад — вздохнул Брячислав Изяславич. — Я князь, мне Полоцкий стол наследнику передать надо. А только как-то боязно, любя: от волхвования рожден... Как все обернется-то?

— К добру, к добру обернется, лада мой! — горячо воскликнула женщина и прижалась к мужу. — Вот увидишь, все хорошо будет!

Крепкий, темноглазый, похожий на галчонка младенец истошно орал на руках у бабки-повитухи. Бабка тревожно поглядывала на него и мелко крестилась свободной рукой.

— Погляди-ко, княгиня, — наконец обратилась она к усталой роженице, с закрытыми глазами лежащей на широкой постели. — Младенчик-то...

— Что?! — глаза женщины тут же открылись, руки судорожно скомкали покрывало. — Что с ним? Нездоров?

ПОЛОЦКОЕ КНЯЖЕСТВО

Расположено на территории современной Белоруссии. Издавна там жили восточнославянские племена кривичей и полочан, занимавшие земли в верховьях Западной Двины, Днепра и Волги и признававшие лишь своих собственных князей. Главные города княжества в древности — Полоцк, Минск (Минск), Друцк, Лукомль, Логожск.

Полоцкая княжна Рогнеда отказала сватавшемуся к ней внебрачному сыну киевского князя Святослава Владимиру, заявив, что не станет женой сына рабыни. В отместку дядя Владимира Добрыня разорил Полоцк, убил отца Рогнеды Рогволода и его сыновей, а Рогнеду насильно выдал замуж за Владимира. Гордая княжна не смирилась со своим унижением и спустя несколько лет попыталась заколоть спящего Владимира кинжалом. Владимир вовремя проснулся и хотел убить Рогнеду, но этому помешал их малолетний сын Изяслав, который вступился за мать. После этого случая Рогнеда с Изяславом сначала жили в Изяславле, а потом — в Полоцке, который Владимир определил в удел сыну. После смерти Изяслава в Полоцке княжил его сын — Брячислав Изяславич. В первой половине XI века Брячислав успешно воевал с сыном Владимира Ярославом Мудрым и вынудил последнего присоединить к Полоцкому княжеству Усвятскую, а затем и Витебскую земли, ранее принадлежавшие Смоленску.

— Да нет, — бабка пожала полными плечами, — на вид здоровехонек. И орет-то как голосисто. Вот на головке у него... знак, вроде.

— Какой еще знак?! Дай сюда сына!

На руках матери младенец сразу затих, зачмокал губами, протянул к ее лицу пухлую, в перевязочках, ручку.

Женщина внимательно осмотрела сына. Повитуха не ошиблась. На головке ребенка, от лба к затылку, протянулось багровое родимое пятно. По форме пятно напоминало распластавшегося в прыжке волка или рысь.

— Колдовской знак у младенца-то... бесовский!

— А чего ждали-то? Небось, от чародейства рожден.

— Ну и что с того? Князь наш строг, но справедлив, княгиня милостива. Наследник княжеству нужен. Вот и послали им ребенка старые боги.

— Пятно-то, говорят, — зверь бегущий, стало быть, оборотнем княжич будет...

— Волкодлаком, что ли? Ох, страшно!

— Чего мелете?! Волкодлаки — нечисть, упыри. А у хорошего волхва дар есть: оборотиться каким-нибудь зверем и в его шкуре бежать, куда надобно. Ране все при волхвах-кудесниках жили, и ничего! И погоду они предсказывали, и от хворобы лечили, и скотину заговаривали... Какой вред от волхвов добрым людям?

— Это что ж значит? Время пройдет, князь у нас перекидываться будет и серым волком по лесам рыскать?!

Шепчутся в княжеском замке на холме, шепчутся внизу, в посаде, на берегу обманчиво ленивой Двины, шепчутся в селах и на далеких заимках в густых чащобах, где издавна живут полочане — подданные князя Брячислава.

В княжих палатах свой ряд.

— Зови тех волхвов, что тебе ворожили! — требует от жены князь. — Пусть объяснят, что сей знак сыну и всему княжеству сулит.

Слуг удалили из покоев. Остались князь, княгиня с младенцем на руках да двое волхвов. Старый волхв

никому не кланяется, смотрит гордо. Молодой посмирнее, среди амулетов на груди и крест висит.

«Как такое может быть?» — дивится князь Брячислав, однако молчит покуда. Лишь бы не устраивали в княжих покоях своих бесовских обрядов, а так... Отчего не послушать мудрых людей?

— Править сын твой будет на диво долго, так долго, что иные столько и не живут, — говорит старый волхв. — Удачу узнает и неудачи хлебнет сполна, но княжество сохранит и богатства его преумножит...

— Это хорошо, — кивнул князь, решив уже, что наградит волхвов, не смотря на их заносчивый, непокорный

вид. Сулят-то хорошее, это в нынешнее беспокойное время дорогого стоит. — А вот с этим-то что? — Брячислав осторожно дотронулся до пятна на головке сына.

— Это «язвено» надо повязкой прикрыть и носить ее, не снимая, — утвердил старший из волхвов. — То — знак старых богов.

— А крестить-то его можно? — приглушив голос до шепота, спросил Брячислав.

— Можно крестить, — улыбнулся молодой волхв. — Кто истину знает, тому ведомо: один в мире закон, одна вера, каким бы именем ее ни назвать.

Старший молча пристукнул посохом, вроде бы соглашаясь.

— Вот и ладно, — велел проводить и щедро наградить волхвов, князь потер руки и с улыбкой взглянул на побледневшую от волнения жену. — Окрестим младенца, как положено, тем и слухи пресечем. Главное — есть теперь наследник, есть кому стол передать...

Богата и красива Полоцкая земля. Густые дремучие леса покрывают большую ее часть. В лесах водятся могучие туры и свирепые рыси, осторожные волки и пушистые лисы, ловкие куницы и шустрые зайцы. Много в лесах и на болотах разнообразных птиц, дикие пчелы живут в дуплах, наполняя их душистым медом. Под сенью вековых чащоб текут мед-

ленные лесные речки с темной водой, таинственно поблескивают хрустальные источники и весело журчат звонкие ручьи, укрывшиеся в зарослях папоротников и хвоща.

В лесах и по берегам рек раскинулись села полочан и их маленькие укрепленные городки. Вокруг селений — пастбища для скотины и возделанные поля. Весной от черной, только что вспаханной земли поднимается пар, и черные грачи собирают в бороздах розовых червяков и белых личинок. В начале лета поля радуют глаз земледельца дружными зелеными всходами или цветным разнотравьем, к осени — стогами душистого сена или желтой спелостью на-

литых колосьев. Зимой поля спят под пушистым снежным одеялом, и только черные точки воронья да рыжая искорка мышкующей лисы нарушают их слепящую глаз белизну.

Богаты и могучи города Полоцкого княжества. Древний Минск (ныне — Минск) с его замком и тремя воротами стоит на реке Менке. Укрепленный Друцк, окруженный валом и глубоким рвом, смотрится с холма в воды речки Друти.

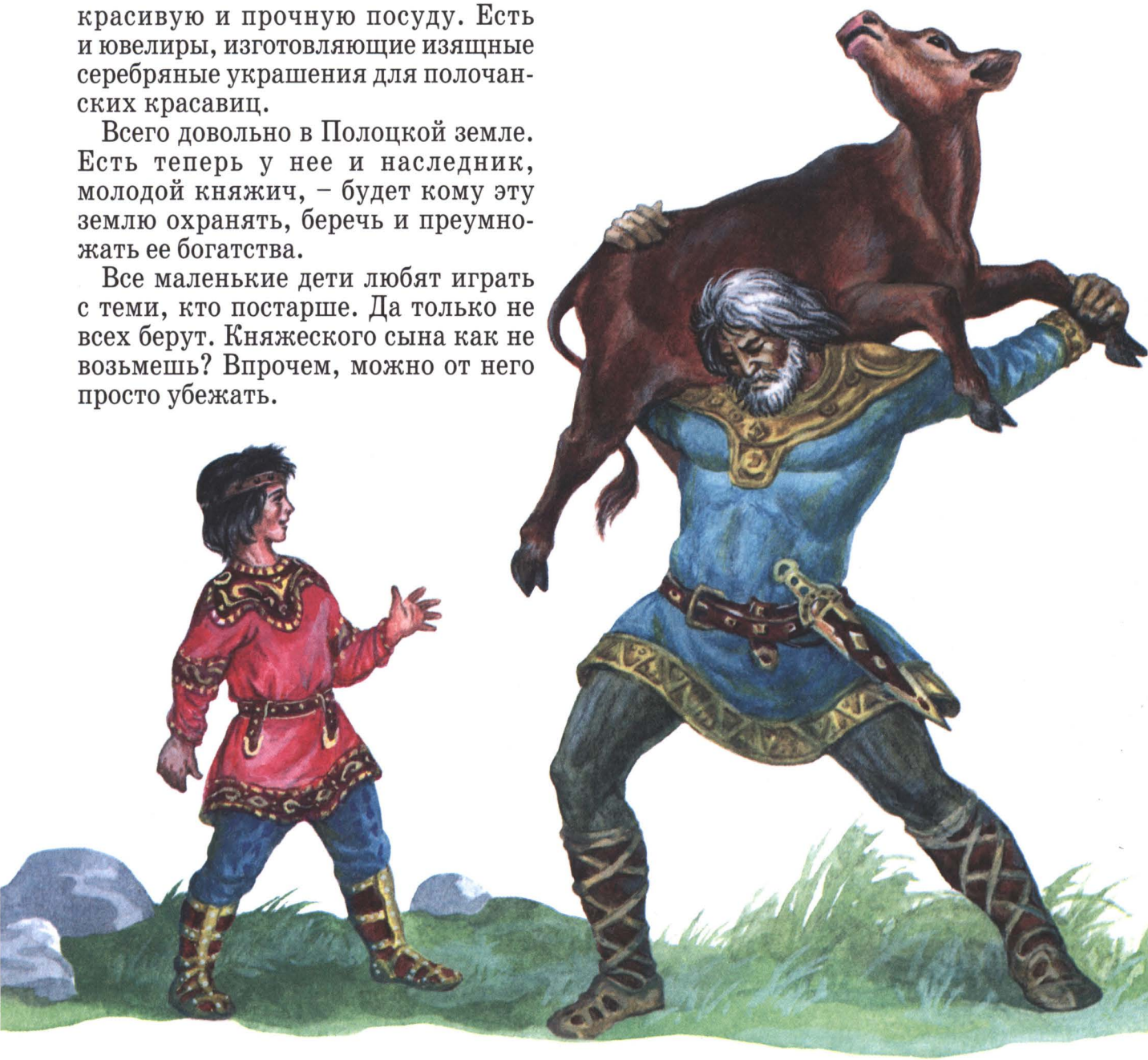
Главный город княжества, в котором живет и правит князь, — Полоцк. Древнее городище издавна возникло на правом берегу реки Полоты, выше ее впадения в Двину. Ко времени правления Брячислава Изяславича город распространился на левый берег Полоты. В ее устье князь выстроил новый детинец, который называли еще Верхним замком. В замке жили князь, его семья, дружина, слуги и другие приближенные к княжескому двору люди. Вокруг Верхнего замка насыпан вал. С северо-востока к детинцу примыкает окольный город, расположенный в излучине Полоты. К югу от него расположен посад, в котором селятся простые полочане. Вокруг города много древних курганных могильников, насыпанных в незапамятные времена. Главная улица города называется Великой, идет параллельно реке с востока на запад и пересекает посад и детинец. От берега Двины к ней под прямым углом тянется Пробойная улица.

Много в Полоцке искусных мастеров, владеющих разными ремеслами. Есть кузнецы, которые могут выковать и меч, и наконечник копья, и плуг, и косу. Есть искусные кольчужники, способные из тонких колец сплести для воина надежную кольчугу, спасающую от вражеской стрелы. Есть гончары, делающие

красивую и прочную посуду. Есть и ювелиры, изготавливающие изящные серебряные украшения для полочанских красавиц.

Всего довольно в Полоцкой земле. Есть теперь у нее и наследник, молодой княжич, — будет кому эту землю охранять, беречь и преумножать ее богатства.

Все маленькие дети любят играть с теми, кто постарше. Да только не всех берут. Княжеского сына как не возьмешь? Впрочем, можно от него просто убежать.

Маленький, но крепкий, похожий на грибок-боровик, он едва ковыляет на толстеньких ножках, но хочет успеть за всеми. Темные глаза смотрят исподлобья, жесткие волосы цвета жареного каштана перевязаны на лбу коричневой повязкой, упрямый подбородок выдается вперед. Всеслав падает, встает, снова падает. Больно

ушибся о торчащий из земли корень, но не плачет. Снова ковыляет вслед за убежавшими мальчишками.

— И я играть! И я!

— Всеславушка, ты еще маленький, — уговаривает княжича нянька. — Куда ж тебе за большими ребятами угнаться? Зашибут ведь ненароком. Что я тогда княгине да князю скажу?

— Скажешь: сам хотел, — рассудительно отвечает маленький Всеслав. — Пусти! Все равно пойду!

Как подросток княжич, так сладу с ним вовсе не стало. Нянька княгине в ноги кинулась: «Хоть казни, княгинюшка, хоть милуй, но не в моих силах его удержать. Куда хочет, туда и идет, что хочет, то и делает. И никаких уговоров слушать не хочет!»

— Почему нянюшку не слушаешь? — спрашивает мать у маленького Всеслава.

— Не хочу! — отвечает княжич и улыбается. Зубы белые, а улыбка чем-то на волчий оскал похожа.

Призвали на совет отца, князя Брячислава.

— Что ж, — решил князь, — хватит мальчишке, княжескому наследнику, бабок да нянек слушать! Пусть его теперь Рокша, бывалый воин, пестует. Он ему спуска не даст.

Одноглазый Рокша помнил еще старого Владимира Святославича. Лицо ратника все в шрамах, а руки похожи на узловатые ветви старого дерева. Хоть и не молод Рокша, но все еще силен. На спор годовалого телка поднял и раскрутил. Телок мычит от страха, бабы визжат, а дружинники смеются. Смеется и маленький Всеслав.

— По нраву тебе такая нянька? — спрашивает у сына Брячислав Изяславич.

— По нраву, — отвечает сын. — А только я, когда вырасту, сильнее Рокши буду. И тешиться стану не с телком, а с врагом на поле брани.

Князь вмиг стал серьезным.

— Видишь шрамы на лице и руках Рокши? — спросил он. — Все это — следы не забав, а былых сражений. А вон тот шрам, что к шее идет, — это он с рысью схватился. Между прочим, друга своего спас, от зверя отбил, а сам чуть Богу душу не отдал. Хорошо, зна-

ВСЕСЛАВ БРЯЧИСЛАВИЧ ПОЛОЦКИЙ (?—1101)

Единственный сын Брячислава Изяславича. Родился около 1024 года. Княжил в Полоцке с 1044 по 1101 год. В 1068—1069 годах волей восставших киевлян был возведен на Киевский стол, который занимал семь месяцев. После был изгнан, но в 1072 году снова вернулся в Полоцк и княжил там до самой смерти.

Рождение и жизнь Всеслава окутаны вымыслами и легендами. В летописи сказано, что мать родила его от «волхвования», а кроме того у него на голове имелся некий таинственный знак — «язвено».

Очень популярный среди своих подданных (именно при нем Полоцкое княжество достигло пика своего могущества и богатства), князь Всеслав был широко известен и за его пределами.

О нем были сложены дошедшие до наших дней былины и сказания (былина о Вольхе Всеславиче), в которых он выступал чародеем-оборотнем и одновременно могучим и удачливым воином, предводителем непобедимой дружины.

Автор древнерусской поэмы «Слово о полку Игореве» с явной симпатией говорит о Всеславе в своем произведении, воспевая его мужество, храбрость, ловкость и хитрость.

харка сумела кровь вовремя заговорить. А что сейчас Рокша для всех потеху устроил, так то ему не в укор. Даже воины не могут вечно сражаться. Когда-то им и смеяться надо. В войне радости да счастья мало. Но и не воевать вовсе люди отчего-то не могут. То ли Бог так повелел, то ли еще как-то устроилось. Ныне запомни: лучшее для княжества время, когда на границах мир, а в детинце крепкое, сытое

и веселое войско, готовое за своего князя да за свою землю постоять. Все понял, сынок?

— Запомнил, — кивнул Всеслав. — В войне мало радости. Радость — в мирной и сытой жизни.

— Правильно! — обрадовался Брячислав. — Вот ты какой у меня разумник!

— Но ведь скучно же, отец! — пожал плечами Всеслав и поправил на голове повязку, которую, по указанию волхвов, носил не снимая. — Все время дома сидеть, меч в руки не брать, на горячем коне в битву не скакать... Ты сам-то на своем веку повоевал вволю. А я?

— Ох, сынок, — вздохнул Брячислав. — Мал ты еще... После поговорим...

ОБУЧЕНИЕ КНЯЗЯ

А и будет Волх десяти годов,
Втапоры поучился Волх ко премудростям:
А и первой мудрости учился —
Обертоваться ясным соколом,
Ко другой-то мудрости учился он, Волх, —
Обертоваться серым волком,
Ко третьей-то мудрости учился Волх —
Обертоваться гнедым тѹром, золотые рога.

Былина о Волхе Всеславиче

— Ты, Рокша, будешь учить меня?

— Буду, княжич. Сначала ты научишься подчиняться. А то больно мамки да няньки тебя разбаловали...

— Я князем буду. Земля наша великим князем Владимиром из раздела исключена. Кому и зачем мне подчиняться?

— Подчиняться силе. Вот я, Рокша, покуда сильнее тебя. Смотри... — старый воин шагнул вперед.

Княжич дрался, как маленький зверек, пуская в ход зубы и ногти. Рок-

ша, снисходительно ухмыляясь, прижал мальчишку лицом к земле, придавил коленом, заломил ему руки за спину.

— Я тебя победил?

— Зачем... мне... учиться... подчиняться? — выплевывая набившуюся в рот землю, мычит Всеслав.

— Есть князья и посильнее полоцкого правителя. Например великий князь Ярослав в Киеве.

— Я стану сильнее.

— Бог в помощь. Но все равно останутся вещи, которым ты не сможешь противостоять: гроза, буря, засуха, голод, мор, болезни всякие... Великое Небо, могучее Солнце и Мать Сыра Земля... С ними ты тоже хочешь сражаться и превзойти их?

Всеслав думал молча, потом помотал головой.

— Нет. Отпусти. Ты прав, нельзя сражаться со всем дольным миром. Чему-то или кому-то всегда придется подчиняться... Рокша, ты веришь в старых богов?

— Не знаю, — наставник пожал могучими плечами. — В моей родной деревне поклонялись старому дереву и святому источнику, верили в леших и кикимор. Парнем я бегал по лесу во время русалий, рука об руку со своей зазновой прыгал через костры и пускал по воде венки. После, став мужчиной, я гадал о воинской удаче по внутренностям убитой птицы и в пылу битвы готов был призывать кого угодно. Теперь вот вспомнил о том, что крещен. Как правильно сказать обо мне? Рассуди сам...

— Я тоже не знаю, но хочу понять, — Всеслав нахмурил густые темные брови. — Обо мне говорят, что я рожден от волхвования, на мне знак старых богов...

— Мало ли что люди наговорят...

— Про меня — все правда! — выпятил губу мальчишка. — Гляди! — он сдернул кожаную повязку, наклонил голову.

Рокша внимательно осмотрел голову воспитанника, потрогал пальцем багровое пятно.

— Что и сказать тебе? Видал я такие знаки у людей не раз. И на голове бывают, и на теле. Ничего вроде бы в судьбе не меняют... Но я ведь воин, не кудесник. Откуда мне про такие вещи знать?

— Тоже верно, — вздохнул Всеслав. — Не у тебя спрашивать надо. Давай тогда ратному ремеслу учи, как отец велел... Подчиняться, считай, я уже могу...

От мальчишеских потех пыль столбом по всему двору, визг, вопли — «сражение» в самом разгаре.

— Ты убит, убит! Чего вскочил?!

— Ты меня не до конца убил! В руку ранил! Вот я другой рукой дерусь!

— Какое в руку, я тебе мечом грудь проткнул! Падай, я тебе говорю, а то врежу!

Из стрельчатого окна высокого терема следит за «битвой» княгиня, высматривает сына сквозь клубы пыли.

Вон он, младше других, но далеко не самый мелкий. Взъерошенные темные волосы, порванная в нескольких местах одежда. Дерется отчаянно, кидается в самую гущу схватки. Вот схватился сразу с двумя подростками. Разве одолеть семилетнему? В пылу битвы не станут вспоминать, кто княжий сын, кто крестьянский... Сейчас достанется огольцу, придется опять ссадины мазью смазывать, к синякам бронзу прикладывать, на шишки холод класть. Да ведь не дается же! Рокша научил: воин должен сам со своими болячками справляться. А какой же воин на восьмом-то году? Охо-хонюшки! Нелегка ты, воинская доля, да и материнская не

Недавно отросшие клыки чуть выдавались из ровного ряда. На месте одного из передних зубов — щербина.

Ошеломленные подростки-противники (одному лет десять, а другому и все двенадцать) стояли поодаль, пытаясь спрятаться друг за друга. Все поутихло. Мальчишки и стоящие в стороне девчонки замерли и напряженно ждали: что будет?

— Двое на одного, да? — низким рокочущим голосом прорычал Все-слав. — Думаете, ваша взяла? А вот и нет! Колдун воина сильнее! Сейчас как перекинусь волком да порву в клочки, будете знать!

Мальчишка глухо зарычал, оскалился сильнее и завилал задом, как будто помахивая хвостом. В глубине темных глаз зажглись опасные янтарные огоньки.

слаще. Один сын, одна кровиночка ненаглядная, страшно за него. Вон какой растет. Иногда кажется, только и ищет бед на свою голову... Однако распался клубок-то. И Всеслав вроде бы цел, и противники его. Неужто угмонились?

Всеслав стоял в пыли на четвереньках, оскалив острые белые зубы.

— Ой, ли-ихо! — не выдержала одна из девчонок.

Ее визг тут же подхватили подружки и заголосили:

— Щас волком перекинется!

— Оборотень! Спасайтесь, кто может!

— Ой, мамочки! Бежи-им!

Мелькнули босые пятки, кожаные подошвы сапог и плетенки лаптей. Вмиг во дворе не осталось никого, кроме нескольких самых старших мальчишек да дремлющего на солнце престарелого дружинника-ветерана, которому ребячья суета сто лет как неинтересна.

Княгиня уже спешила вниз. Знала: когда Всеслав таков, посылать за ним слуг бесполезно. Только сама.

Подбежала, обняла за мелко дрожащие плечи:

— Пойдем со мной, соколик! Все уж кончилось! В хоромы пойдем, я тебе личико умою, пряничка дам...

Медленно оттаивало почерневшее от гнева и пыли лицо мальчика, медленно гасли в глазах желтые волчьи огоньки. Но вот уже улыбнулся, встряхнулся всем телом, как выходящий из воды пес:

— Здорово я их напугал, правда, мам? Видала, как они разбежались и по щелям попрятались? Вот я какой! А они сами виноваты! Договаривались драться честно, а он сзади, сзади! А я как ему...

— Пойдем, пойдем, родной, успокойся...

Поздним вечером в княжеской опочивальне горит лишь одна свеча да лампадный огонек мерцает возле иконы.

В их тусклом свете серебром блестят седые волосы на непокрытой голове княгини. Седина посверкивает и в бороде князя. Пора уж обоим ложиться спать, да все не затихает разговор.

— Пусть так — он будущий воин. Но ведь и князь, правитель. Мало уметь мечом и палицей махать да из лука стрелять. Надо его еще чему-нибудь учить. И так растет дикий, необузданный. А тут еще и Рокша масла в огонь подливает... — волнуется княгиня.

— Да чему же учить-то? Что из княжеских дел по его годам уместно, я ему и так объясняю, ты знаешь...

— Да хоть грамоте пусть учится. Читать, писать...

— Так ведь рано еще. Я сам на одиннадцатую весну едва-едва грамоту превзошел. И ту, считай, розгой вколачивали, — усмехается князь.

— Всеславу — не рано. Разве не видишь, он старше своих лет! И ростом, и повадками.

— Вижу, лада моя, вижу, только думать об этом боюсь. Отчего так? Не колдовской ли силой?

— Пустое, князь! Столько лет мы его ждали, силу копили. Да и нас с тобой, и предков наших Господь ни стастью, ни умом не обидел. Откуда ж ему мелким да глупым быть? И причем тут колдовство?

— Люди болтают разное...

— То-то и оно! Он ростом-то велик, а умишком — дитя. Знает, что болтают, так еще и дразнит их: «Я — оборотень! Я волхвовать могу». Займется трудным делом, глядишь, и вылетят из головы глупости всякие.

— Ладно, княгинюшка, уговорила. Быть посему!

— «Аз, буки, веде, глаголь, добро...» Повторяй, княжич, — тщедушный монашек в клобуке клюнул в сторону мальчика остреньким носиком. — Вот здесь, в Святой книге, на этом листе найди все «глаголи»...

— Да зачем же, отец Анастасий? — Всеслав с недоумением взглянул на монашка. — Я уже читать могу. Вот

ВО ЧТО ВЕРИЛИ НА РУСИ В XI ВЕКЕ

Великий князь Владимир Святославич в 988 году крестил Русь (Киев и Новгород) в православную веру, позаимствованную в Византии. Деревянные идолы языческих богов были сброшены в Днепр и Волхов. Понятно, что племенные языческие верования не исчезли в один миг, вслед за уплывшими по течению кумирами. Много веков после крещения на Руси существовало так называемое двоеверие. Люди верили и в Христа, и в старых языческих богов, молились в церквях, но поклонялись рекам, источникам, старым деревьям. И обряды совершали, и праздники справляли как христианские, так и языческие, тем более что по времени они почти совпадали.

тут написано: «И повелел Господь наш привести к Нему...»

— Хватит, хватит! Я знаю, как учить. Учю тебя, как меня самого учили, а до того — учителя моего. Так правильно. Бери стило и пиши: «глаголь», «глаголь», «глаголь»...

Мальчик вздохнул, пожал по привычке плечами и послушно взялся за стило. Обмакнул заточенную палочку в чернила и, высунув кончик языка, принялся выводить на обрывке пергамента кривые «глаголи». Наука Рокши пошла впрок и здесь: так бойко, как сам монашек, Всеслав ни читать, ни писать еще не мог, а значит, и протестовать во всю силу не решался. «Ну, ничего, — утешил себя Всеслав, — это все ужасно скучно, но ненадолго. Скоро обучусь грамоте как надо, отцу с матерью покажу да снова за меч возьмусь...»

— Постой-ка, княжич Всеслав Брячиславич! Не торопись.

Всеслав, спешащий вместе с неразлучным дружком Вылкой куда-то по своим мальчишеским делам, оглянулся и застыл на месте. Диковинный незнакомец в накинута на плечи волчьей шкуре, весь обвешанный амулетами, протягивал к нему руку. Другая его рука опиралась на толстый, изрезанный непонятными знаками посох.

— Ты кто? Я тебя раньше в детинце не видал, — и вдруг догадался: — Ты... волхв?! Из тех, что матери моей...

Незнакомец кивнул крупной головой. Заплетенные в несколько косичек волосы качнулись, какой-то вплетенный в них амулет мелодично зазвенел.

— И что ж теперь? — Всеслав явно побаивался волхва, но не любил проволочек. Пусть уж сразу все станет ясно.

— Я пришел из леса, чтобы говорить с тобой.

— О чем же нам с тобой разговаривать? Я в христианскую веру крещен, вот, крест ношу.

— Разве крест разговору помеха? Видишь, у меня тоже крест есть. Я его не боюсь, не убегаю от него, под землю не проваливаюсь...

— Правильно, — Всеслав облегченно вздохнул. — Значит, твоя сила не бесовская. Я буду с тобой говорить. Пойдем в хоромы?

— Хорошо, если бы ты пошел со мной. Мой наставник очень стар и болен. Он хотел видеть тебя перед смертью. Если ты, конечно, не испугаешься.

— Я ничего не боюсь! — решительно заявил мальчик. — Веди!

— Остановить, остановить надобно княжича! Матушка, скорее! — старая ключница, забывшись, дергала княгиню за расшитый узорочьем рукав платья. — Уведет ведь

мальчишку! Прогнать его, окаянного! Сам-то страшен, ликом черен, весь в бесовских побрякушках. Того и гляди, чудищем каким перекинется... Ох, князя-то в детинце нет, в полюдьё поехал, а этот-то и подгадал... Ох, лишенько!

Княгиня застывшим, потухшим взором смотрела в окно. Кисти рук судорожно сжимались и разжимались, а на узких ладонях отпечатывались полукружья ногтей. Бежать, звать, отнимать — бесполезно. Она знала, что рано или поздно это должно было случиться. Волхвы вернулись за тем, кто пришел в мир благодаря им, и потому сын принадлежит не только ей, княгине, но и им тоже.

Но что же теперь будет?!

— Не пойдешь без меня! — решительно крикнул Вылка, заступая дорогу княжичу, не глядя на грозного волхва.

— Брось, Вылка! — сквозь зубы процедил Всеслав. — Вдруг опасно там?

— Я — побратим твой, у нас одна жизнь на двоих. И смерть одна. Будто не знаешь? Пускай сначала меня убьет, а после тебя получит.

— Пусть идет, — усмехнулся волхв. — Подождет тебя на опушке. Что за беда?

Подумав, Всеслав кивнул. Вылка радостно ухмыльнулся, склонился, будто штанину поправить, и незаметно ощупал нож, спрятанный за голенищем.

Жилище волхвов состояло из до половины вросшего в землю низкого сруба с земляной крышей, на которой росла трава и даже кустики черники. Внутри пахло березовыми вениками, полынью и еще какой-то травой, названия которой Всеслав не знал. Земляной пол был покрыт жердями и усыпан свежей соломой.

Старый волхв полулежал на низком ложе, укрытый до подбородка ворохом тяжелых шкур. Рядом с ним стояла кружка с дымящимся отваром, накрытая тряпицей. Лицо волхва напоминало кусок старой коры. Всеслав почтительно поклонился лежащему старику.

Волхв помоложе, который привел мальчика, молча присел у стены на грубо оструганную лавку.

— Ты уже совсем взрослый, Всеслав, — все еще звучным голосом сказал лежавший.

— Нынче миновало двенадцатое лето моей жизни.

— Ты уважил просьбу старика и пришел. Хочешь что-нибудь попросить у меня?

Всеслав помолчал, нервно сглотнул. Выговорить такое нелегко. Княжескому наследнику и христианину особенно. Наконец решился.

— Научи меня обращаться с волком, волхв! Я грожусь, пугаю

ВОЛХВЫ

Волхвы — кудесники, колдуны, пророки. На Руси в языческую пору и в первые века после принятия христианства считалось, что волхвы могут непосредственно связываться с духами и богами и сообщать людям их решения, изгонять нечистую силу, насылать порчу на врагов, изготавливать охраняющие талисманы и предсказывать будущее. Волхвы явно владели какой-то древней системой языческих знаний, психологическими техниками, умели применять гипноз, были сведущи в астрономии, умели толковать природные приметы и предсказывать погоду. Даже христианская церковь, которая всячески преследовала волхвов, признавала их силу. Иаков Мних писал в XI веке: «...ибо много и волхвы чудес сотворили бесовским мечтанием».

мальчишек, но ведь не умею. Хочу уметь взаправду!

— Зачем тебе? — старый волхв рассмеялся. — Ребят пугать?

— Нет! — Всеслав мучительно покраснел, сжал в кулаке бахрому пояса. — Я хочу воином быть. Всех мечом побеждать. Но, если придется... Если удирать придется, то волком сподручнее?

Волхвы уже откровенно веселились.

— А как же верная дружина? Ее тоже научишь волчьей стаей оборачиваться?

Всеслав в гнев топнул ногой — гневался не на волхвов, на себя. Понял, что сказал глупость. Поделом ему, мальчишке, еще одно подтверждение давнего Рокшиного урока.

— Могу ли я научиться волхвовать? И что это вообще такое?

— Чародейство — древняя наука, — младший волхв сразу стал серьезным.

Старший откинулся к стене. — Волхвы могут предсказывать будущее, чувствовать погоду, иногда влиять на нее, узнавать приметы по звездам, искать травы и извлекать из них целебную или погибельную силу...

— А оборачиваться зверем или птицей? Это вы умеете?

— Говорят, в древние времена волхвы умели и такое.

— В древние времена... — разочарованно протянул Всеслав. — А я-то думал...

— Не печалься, — усмехнулся старый волхв. — Хитрость, отвага и знание людей помогут тебе оборачиваться кем захочешь. Пусть на тебе не будет шкуры волка или перьев сокола, но все будут думать, что именно в этом обличье ты совершил то или иное деяние.

— Ты научишь меня?! — не раздумывая, Всеслав упал на колени прямо на скользкие жерди, схватил горячими ладонями жесткую смуглую руку волхва. — Сражаться мечом умеют все князья. Но ни один правитель не умеет такого.

— Научу, — слабо кивнул старик. — Если успею. И если ты поклянешься не использовать эти умения во вред своей земле, людям, которые тебе поверят.

— Мне легко дать эту клятву, — серьезно кивнул Всеслав. — Потому что того же хочет от меня и отец, князь Брячислав...

— Брячислав Изяславич — достойный человек, хороший князь для своих людей, — вступил в разговор младший волхв. — Оттого и постарались мы, чтобы его род не угас. Теперь видим: не зря старались.

...Молодой горячий конь несется по узкой полевой дороге. Комья глины летят из-под копыт. Всадник-подросток, не мальчик, но и не муж, торопит

коня, привстает от нетерпения, словно хочет взлететь вместе с конем, взмыть в высокое небо по тонкому золотому лучу.

Нестерпимый жар в том месте на голове, что прикрыто повязкой, не остужают ни бешеная скачка, ни прохладный рассветный ветерок. Подросток срывает повязку, запрокидывает красивое взволнованное лицо к небесам:

— Что теперь? Солнце-Дажьбог, Мать Сыра Земля, ветры могучие, дайте ответ! Что теперь?

Молчит просыпающаяся с рассветом земля, молчит золотое утреннее небо, монотонно гудит ветер...

Дальше скачет всадник, торопя коня. Статный, широкоплечий юноша стоит на высоком крыльце. Прохладный осенний ветерок ерошит волосы на макушке, несет к его ногам желтые листья берез, похожие на рассыпавшиеся золотые бусы. Плотная кожаная повязка закрывает лоб юноши, глаза сверкают нешуточным азартом. Внизу столпились мальчишки его лет. Есть постарше. Запрокинув головы,

смотрят на вожака, ловят каждое его слово.

— Я — ваш князь! Я поведу вас в поход. Мы захватим много добычи, много серебра, украсим наши жилища и наших жен. А сейчас будем учиться драться. Каждый из нас должен стоять троих, нет — пятерых воинов врага. Тогда мы сумеем победить. Когда учишься, нельзя жалеть себя. Кто не согласен, тот пусть уходит. Я никого не держу. Ну?

Никто не уходит со двора. Вылка-побратим стоит на ступеньку ниже княжича, острым взглядом ощупывает лица, запоминает все и всех.

Старые дружинники Брячислава посмеиваются в сторонке.

— Ишь, какой петушок! Хочет выше всех на насесте сидеть!

— Молод еще, войны не нюхал!

— Пусть петушится смолоду-то! Слабый да трусливый князь — княжеству смерть.

В теремных покоях — печаль. Старый князь болен: привязалась лихорадка да прежние раны покоя не дают.

— Как там наш сын, любя? Справляется ли с делами? Занемог я не ко времени.

— Справляться-то справляется. Да только у него одна война на уме. Дружину из мальчишек собрал. День-деньской ее учит. То в лесу за стволами прячутся, то в болоте под кочки зарываются, то по деревьям, как белки, скачут. И Рокша, дуралей старый, с ними.

— Был у меня вчера Рокша. Говорит, о таких приемах, каким Всеслав своих мальчишек учит, сроду не слыхивал. А умно. Рокша — бывалый воин, опытнее меня, он напрасно не скажет. Быть посему. Я-то уж, видно, не встану.

— Не говори так, лада! Тошно слышать!

— Правду говорю, и ты это знаешь. У каждого человека на земле свой век. Мне на Бога роптать грех. Довольно пожил, многое повидал.

— Знай, я без тебя тоже не заживусь.

— Тревожно мне, любя моя. Всеславу всего пятнадцатый год пошел... Как он без нас? Не сгубил бы княжество... Ярослав-то Владимирович давно на наш удел заглядывается. Да и сынки у него подросли.

— Это уж как Бог велит, лада... Но, помнишь, волхвы нагадали, что княжить наш сын будет долго и справно?

— Помню, конечно. Вот бы так и стало!

— Станет, лада, станет. А ты теперь отдохни...

Над могилами князя и княгини февральский ветер метет ледяную поземку. Острые льдинки иголками колют щеки, уши, сыплются за ворот. Рослый юноша стоит у могильных холмиков, опутив голову и не замечая холода.

— Ох, князь-отец! — шепчут яркие, четко очерченные губы. — Слушал я тебя, да мало. Спрашивал, да не все спросил. К кому теперь за советом идти? Ох, княгиня-мать! Дарил я тебя лаской да любовью, да, видать, скупое. Все на двор, к воинским потехам, убежал. Кто нынче приласкает да пожалеет? Одно у меня дело теперь: то, что вы мне оставили, сбережь да преумножить. И я то дело выполняю! Слышите?! — кричит юноша в небо, в заснеженные дали, затянутые нежной жемчужной дымкой уже отступающей зимы.

— Слы-ыши-им, — вроде бы отвечают дали.

ВСЕСЛАВ-ВОИН

На Немиге снопы вяжут из голов, молотят цепями булатными, на току жизнь кладут, выбивают душу из тела. Немиги кровавые берега не добром засеяны, засеяны костями русских сынов.

«Слово о полку Игореве»

Князь Брячислав Изяславич за свою долгую жизнь немало повоевал с киевскими князьями. Когда свое отстаивал, а когда и на чужое зарился. Когда успешно воевал, а когда и не очень.

Все ждали, что после смерти отца его сын, молодой и необузданный Всеслав, продолжит славные ратные походы отца. Долго ждали. Некоторые уж отчаялись.

— Когда на врага поведешь? — спрашивают у князя молодые, горячие дружинники.

— А какие же Ярославичи нам враги? — вопросом на вопрос отвечает Всеслав. — Они мне двоюродными дядьями приходится...

— Хороши родственнички, — бормочет себе под нос одряхлевший Рокша. — Только зевни, молодой князь, сразу землицу-то нашу под себя и возьмут...

Бормочет, впрочем, совсем тихо, потому что действия юного князя очень даже одобряет и перед Брячиславовыми ветеранами всегда его защищает.

— Что с нас взять? — разглагольствует Рокша перед немногочисленными стариками-дружинниками за кружкой хмельного пенистого меда. — Мы пеньки старые, нас новым шуткам не обучишь. Так уж боги судили, что Брячислав сперва состарился, а потом сына родил. И дружина его состарилась вместе с ним. Что мы молодым? Только брюзжать умеем о старых временах да палки в колеса ставить. А кто из вас возьмется лес на врага поджечь, а самим от пожара в мох спрятаться? Так Всеслав свою дружину учит.

Женился князь Всеслав рано, на девушке из рода незнатного. Помнил материнскую кручину, что один у нее сынок, да и тот на склонах лет родился. Одного за другим рожала княгиня Потвора крепких горластых сыновей. Правда, нравом была не особенно ласкова, но князь на то внимания не обращал — некогда было.

Десять лет прожил Всеслав в мире с киевским князем Ярославом Владимировичем. Да еще почти десять лет — в ладу с его сыновьями. Вместе с ними ходил воевать степных

кочевников — торков, по-братски делил и походные тяготы, и добычу. Еще тогда братья Ярославичи присматривались к Всеславовой дружине. Не так уж велика (у Ярославичей больше), но обучена отменно, дышит, как один человек, и по первому слову своего князя — хоть в огонь, хоть в воду. Торки траву в степи подожгли, все отряды — назад, а Всеславовы воины плащи в воде намочили, тряпки на лица — и сквозь огонь вперед. Догнали торков, которые уж и опасаться перестали, и всех побили. А в другой раз так же, чуть не строим, с полным вооружением — в реку, прямо на лошадях, как дикие кочевники. И вот диво: кажется, что все дружинники одних с князем лет. Ни стариков нет, ни юнцов безусых. А про князя своего у вечерних костров и вовсе удивительные вещи рассказывают: будто он по ночам не спит, а оборачивается серым волком или ясным соколом и по лесам рыщет да в небесах летает...

Станным все это казалось молодым Ярославичам. Станным и небезопасным...

В те же мирные годы выстроили по Всеславу указу первый в Полоцке каменный собор Святой Софии. В Киеве есть такой, в Новгороде тоже есть. Чем же Полоцк хуже? До этого каменных храмов полочане не строили, поэтому князь пригласил в город византийских архитекторов. К ним, по ходу дела осваивая строительные секреты, добавились местные мастера.

Греческое слово «софия» в переводе означает — «мудрость», «мастерство». Наши предки понимали его и как великое человеческое братство, объединенное общими заботами и стремлениями. Собор должен стать символом единства всех жителей

княжества. Его строили всем миром под надзором самого князя. Ширина фундамента почти соответствовала толщине стен — от 1,5 до 2,5 метра. Храм получился по тем временам грандиозный. На установленном у крыльца собора огромном валуне, который через десять столетий станет музейным экспонатом, старинные полоцкие мастера оставили свои имена: Давыд, Тума, Микула, Копысь, Варышка.

Спустя почти двадцать лет после смерти отца Всеслав решил: пора! Заmaterела и вошла в полную силу дружина, возмужал и он сам. Все так же похож на стремительного волка, все так же гневно хмурит густые брови. Кипит горячая молодецкая кровь,

усмиренная до времени мудрым Рокшей более двадцати лет тому назад... Но уже почти выросли двое старших сыновей, и вслед за ними подрастают еще двое. В случае чего, есть кому принять отцовский стол.

И началось!

В 1065 году Всеслав с малой дружиной осадил хорошо укрепленный Псков. Подержал в осаде, взять не сумел, ушел в одну ночь, словно растаял в псковских густых лесах. Ну ладно, сам с дружиной на резвых лошадях ускакал, а куда пороки-то (стенбитные орудия) подевались? Их-то поперек седла не увезешь. Не иначе, без колдовства не обошлось. Князь-то у полочан, рассказывают, чародей...

В том же году уже с большими силами Всеслав напал на могучий Новгород. Разбил новгородское войско во главе с князем Мстиславом Изяславичем, пожег половину города, набрал пленных, а с собора Святой Софии снял и увез колокола. Новгородцы просто опомниться не могли от такой дерзости. Пленные, впрочем, скоро домой вернулись. Новгородцы на главных торговых путях сидят, а потому — народ богатый. Заплатили семье Всеславу выкуп и получили своих родных в целостности-сохранности. У кого серебра не сыскалось, тех просто так отпустили. Не губить же христианские души! А некоторые из самых отчаянных бессемейных новгородских разбойничков-ушкуйников в Новгород и вовсе не вернулись — пошли к Всеславу в дружину. Уж больно порядки в ней по нраву пришлись.

А Всеслав между тем захватил городок Новогрудок, выбил оттуда отряд киевлян и основал на литовских землях полочанский форпост.

Очень все это не понравилось братьям Ярославичам. Да тут еще слухи

всякие ползут. Дескать, колдует князь Всеслав, волком по лесам рыщет, соколом в небе летает, все на свете загодя знает. Ни к чему киевскому князю такое лихо под боком.

Недолго думая, Изяслав Киевский объединился с братьями — Всеволодом Переяславским и Святославом Черниговским — и пошел воевать Полоцкую землю. По пути на Полоцк братья напали на Менск — мужчин убили, город пожгли. Всеслав с дружиной вышел им навстречу.

Битва состоялась на реке Немиге. Несмотря на начало марта, стояли холода, лежал снег, и во время сражения с неба валились мокрые огромные тяжелые хлопья. Но и это не могло остудить горячие головы братьев, родственников по крови, убивавших друг друга.

Сколько народу полегло в снегах на Немиге, мы никогда не узнаем. Но через века дошли до нас взволнованные строки древнего поэта, нарисовавшего страшную картину битвы — «кровавая жатва на белом снегу».

За кем осталась победа на Немиге — тоже не совсем ясно. Всеслав бежал в Полоцк вместе с дружиной, но и у объединенного войска Ярославичей не осталось сил, чтобы преследовать и окончательно разгромить его.

— Не довольно ли жертв принес? Не насытилась ли кровью твоя чаро-

дейская душа? — такими словами встретила измученного Всеслава жена.

Хотел было закричать, ногой топнуть: так ли мужа с поля боя встречают?! Но, увидев вновь округлившийся живот княгини, сдержал себя.

Зато уж сыновья забросали вопросами: Расскажи да Расскажи! А рассказывать-то и не хотелось. Думал расширить границы Полоцкого княжества, поставить его вровень с древ-

ними Новгородом и Киевом. Ведь и гордиться есть чем. Ворота Новгорода отворил, добычу и полон взял, перед объединенным войском трех князей выстоял, убрались захватчики с Полоцкой земли. Но отчего ж так скверно на душе, отчего все мерещатся и мерещатся кровавые берега невеликой речки Немиги? Не об этом ли когда-то давно предупреждал отец?

В низкой избушке-землянке князь почти доставал головой потолок. Страшно лишний раз плечами повести, не ровен час уронишь какой-нибудь горшок с колдовским варевом. В прошлый-то раз все большим казалось. Видать, подрос с тех пор. А волхв совсем сгорбился... Старый-то, понятно, давно уж в могиле. А у этого — молодой ученик. Плечи узкие, волосы русые, взгляд голубой, пронзительный. Из полян, что ли?

— Зачем пришел, князь Всеслав?

— Тоска душу гложет. Всю жизнь с детских лет думал, что для войны рожден, а теперь не знаю. Может, это вы, волхвы, меня с рождения таким сделали? Может, отсюда все? — князь ткнул пальцем в повязку, которую носил не снимая. — Не зря ж вы меня учили, не зря люди с давних пор Чародеем кличут. Даже жена родная и то...

— Увы, князь! — вздохнул волхв. — Ношу твою облегчить не могу. У каждого она своя, и нести ее в одиночку приходится. Могу камни кинуть, поглядеть, что тебя дальше ждет.

— Ну, кинь. Не зря же я все дела бросил, в вашу глушь по лесным тропам шел.

Оба волхва, и старый, и молодой, присели на корточках над расстеленной на лавке тряпичей с разбросанными на ней беловатыми округлыми камешками.

— Ну, чем порадуешь?

— Беды твои только начинаются, — чуть виновато, снизу вверх взглянул на князя волхв. — Много всего претерпеть придется.

— А с княжеством-то что? — нетерпеливо спросил Всеслав, словно не услышав. Он не мог не испытывать уважения к волхвам. Вот ведь, в чем душа держится, а пророчат бе-

ду своему князю и ничуть его гнева не боятся...

— С княжеством все хорошо будет, ничто ему не угрожает, пока ты жив, а жить тебе еще долго.

— Ну, хорошо хоть так...

На прощание старый волхв коснулся повязки на голове Всеслава, что-то едва слышно пробормотал, а потом дотронулся до креста на могучей груди князя.

— Мы, волхвы, со стихиями в родстве. Стихии от сотворения мира мятежны. А покоя, который твоему сердцу надобен, спроси у своего христианского Бога. Может, он помочь сумеет.

— Ладно, спрошу. Когда-нибудь...

Поначалу казалось, что старые боги услышали-таки невысказанную просьбу Всеслава. Четыре месяца не минуло после битвы на Немиге, как прибыл посланец от Ярославичей.

«Негоже быть вражде между кровными родственниками. Раньше в мире жили, вместе с общими врагами-кочевниками воевали, пусть и теперь так будет. Приезжай, Всеслав Брячиславич, к нам, заключим честный мир на вечные времена...» — писали Ярославичи в грамоте, которую доставил гонец.

«Нет ли ловушки? — задумался Всеслав. — Уж больно кровавой выдалась битва на Немиге. Что ж, братья Ярославичи так все и позабыли? Или какой-то тайный смысл есть в их послании?»

— Вижу думу на твоем челе. Но ты не сомневайся, — успокоил Всеслава молодой, смысленный на вид гридень-посланец. — Никакого подвоха нет. Князья прилюдно крест целовали, что, коли явишься к ним, никакого вреда тебе и людям твоим чинить не будут. И тайного умысла в их внезапном миролюбии не ищи. Просто на-

стало время всем русским князьям вместе сплотиться против степной угрозы. Тебя-то в твоих лесах кочевники не донимают, а нам порой ох как лихо приходится.

— Умно говоришь, — согласно кивнул Всеслав и, помолчав для важности, объявил решение: — Передай Ярославичам, что приеду к ним о мире толковать.

В приднепровских лесах уже отцвели дикие яблони и сморода и пошли в цвет рябина и бузина. Левый низкий берег сплошь зарос желтыми купальницами. На правом берегу яркими пятнами среди зелени луга выделялись шатры Ярославичей.

Добротная просторная ладья ждала Всеслава у берега.

Князь вместе с двумя старшими сыновьями, Борисом и Романом, готовился к отплытию.

— Я с тобой! — горячился верный Вылка. — Всегда мы вместе были, так и теперь должны!

— Нет! — твердо возразил Всеслав. — Если что не так пойдет, кого дружина слушать станет, как не тебя, друга и брата моего?

— Хоть сынов здесь оставь.

— Пусть видят, что я целованию креста верю. Сам знаешь, какие слухи про меня ходят. Вот и покажу всем, что я честный христианин.

— Ты-то покажешь, а они? Изяслав, может, и струсит напасть, но Святослав хитер, что твоя лиса.

— Ничего. На каждую хитрость своя сила есть.

— Ох, князь! В бороде у тебя седина, а как был прост, так и остался.

— Пусть прост, да не подл.

Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи — сыновья великого киевского князя Ярослава Мудрого. При разделе земель Ярослав отдал: Святославу — Чернигов, Всеволоду — Переяславль, а Изяслав, как старший, после смерти отца княжил в Киеве.

Вначале братья жили мирно и вместе воевали против торков, а потом против Всеслава Полоцкого.

В 1069 году русские войска под предводительством Святослава разгромили половцев у реки Снов.

В 1050—1060 годах братья составили свод законов, известный как «Правда Земли Русской» (или «Правда Ярославичей»). В дальнейшем Всеволод со Святославом объединились и в 1073 году изгнали Изяслава из Киева. На его место сел Святослав, а Всеволод получил богатый Чернигов.

В 1077 году Святослав умер, а Изяслав снова (как и в 1068 году) привел на Русь польские войска. По договору с Изяславом Всеволод уступил ему Киевский стол, а сам стал княжить в Чернигове.

В 1078 году Изяслав погиб в битве при Нежатиной Ниве, где объединенные силы Ярославичей и их союзников сражались против собственных племянников, Олега Святославича и Бориса. После этого Всеволод вторично стал великим князем и княжил в Киеве до самой своей смерти.

ВОССТАНИЕ КИЕВЛЯН

Вот, половцы хозяйничают в нашей земле...
Так дай же, князь, нам оружие и коней,
и мы снова будем биться с ними!

«Слово о полку Игореве»

Когда Всеслав с сыновьями переплыл Днепр недалеко от Орши, Изяслав вышел ему навстречу и со всеми возможными почестями пригласил его в свой шатер. Всеслав вошел вслед за князем и тут же на него набросились воины Изяслава, повалили на землю и надели на него кандалы. Сыновей ожидала та же участь.

Двадцатипятилетний Роман, могучий и свирепый, как росوماха, пытался сопротивляться и даже, раскидав накинувшихся на него воинов, бросился на помощь отцу. Но снаружи набежали еще ратники и навалились на Романа.

После Изяслав велел отвезти пленников в Киев и поместить их в самый глубокий поруб, который только сыщется на Брячиславовом подворье.

— Там-то им сподручней будет, — усмехнулся киевский князь. — Стены дедовы, утварь отцова...

Подворье в Киеве было выстроено еще князем Изяславом, старшим сыном великого князя Владимира Святославича. А обустроивалось оно Брячиславом Изяславичем в те времена, когда он жил в мире с Ярославом Мудрым, отцом братьев Святослава, Изяслава и Всеволода.

Теперь в глубоком сыром порубе, держали Всеслава, Романа и Бориса.

Света белого из поруба не видно, одно малое окошко выходит в глухой угол двора. Через него узникам передают скудную пищу.

Борис день-деньской сидит в углу на гнилой соломе. Молчит, даже головы

не поднимет. Гложет его тоска. Роман, напротив, диким зверем по темнице мечется, даже рычит от ярости.

Всеслав Бориса ободряет, Романа успокаивает. Кто б его самого успокоил?

Гложет душу предательство Ярославичей, точит страх не за свою жизнь, за жизнь сыновей-наследников. Изредка вспомнит жену, усмехнется. Страшно даже подумать, какими словами его сейчас честит. Но ничего. Княгиня — хозяйка справная: за оставшимися детьми присмотрит, в обиду не даст, наставников мудрых да умелых в свой черед им подберет. Интересно, болит ли хоть чуть-чуть сердце за мужа, желает ли его освобождения? Или только о сыновьях-соколятах вся боль? Кто женское сердце до дна изведает?

Иногда, подкупив стражу, в окошко заглядывают земляки-полочане, живущие в Киеве. Кто словом ободрит, кто тайком лишний кус передаст, а кто и кувшинчик меду хмельного. Помнят в Киеве гордого, но справедливого к простым людям Брячислава Изяславича, любят и нынешнего полоцкого князя. Далеко впереди него несется слава о его дерзких походах, молодецкой удали да колдовской силе.

Некоторые прямо так в окошко и вопрошают:

— Князь, что ж ты чародейную силу-то свою в ход непустишь? Поручь запоры тяжелые да двери дубовые. Выйди на вольную волю, на чист двор, в славный Киев-град!

Борис только горько усмехается, а Роман смотрит с дикой отчаянной надеждой. Вроде взрослый совсем, всю жизнь рядом с отцом прожил... Неужто и вправду думает, что отец в ночи волком перекидывается?!

— Да как вам сказать... — отвечает Всеслав советчикам. — Двери-то

порушить, замки сбить — для чародея и вправду дело нехитрое. А дальше-то что? Набегут воины великого князя, дворовые его, бояре да нарочитые мужи. Нипочем не отпустят меня добром в мою вотчину. Что же мне — всех чародейством побить? Это ж сколько кровушки прольется? Всю Гору залью, да еще на Подол останется. А у каждого из них жена, мать-старуха, детки малые. Разве все передо мной повинны? Так что простите, люди добрые, люблю я вольную волю, и сыновья мне дороги, но не могу я такого зла киевлянам сделать.

Расчувствуются посетители, покивают согласно, а как придут на свой двор, так все князя Всеслава расхваливают: мог бы замки порушить, да не хочет кровью киевлян свободу себе добыть. Вот как добр! Вот как милостив! А в Полоцкой-то земле при нем покой и благодать. Бояре веселы и справедливы, все дружинники сыты, одеты, простой народ поборами не донимают, женки да девки все в золотых колтах да монистах, хлеб родится, и меду душистого полны кадучки. А как затеют князь Всеслав с сыновьями пир, так каждого позовут, досыта накормят и с собой дадут.

А наш князь, Изяслав Ярославич, что? Поборы установил непомерные, отбою от тиунов и сборщиков податей не стало. Сам в закромах скопил богатства несметные, стеною высокой свой терем отгородил и никого слушать не хочет, кроме воеводы Коснячки. А тот-то каков злодей, не к ночи будь помянут...

Гудит-шумит киевский Подол. Есть и холодные головы, пытаются рассказать людям, как Всеслав Новгород пограбил, Псков под себя взять хотел.

— Ладно, — соглашаются, — может, и не так хорош Всеслав, но ведь

грех это — клятву, данную на кресте, нарушать?

— Грех, что тут скажешь.

— А наш князь с братьями как раз и нарушили! А клялись-то при всем честном народе!

Уж более полугода просидели Всеслав с сыновьями в заточении. Всех сторожей да слуг в лицо узнают. И они к узникам привыкли, дичиться перестали. Всеслав все про них знает, кто сына женил, у кого жена захворала. Иногда посочувствует, когда и совет даст. Чародей как-никак... Но вот новый человек стал мимо оконца похаживать. Уже не мальчик, но еще и не муж. Юный, высокий, ясноглазый. Постоит поодаль, помолчит, поглядит и уйдет. Раз, другой, третий...

Всеслав у знакомого стражника спросил:

— Кто таков?

— Да это сын переяславского князя Всеволода Ярославича. Владимиром зовут. Всеволод-то Ярославич как раз нынче у брата гостит.

— А чего он сюда ходит, не знаешь?

— Точно не скажу, но думаю — из любопытства. Занятно ему на князя-колдуна поглядеть.

— Занятно? — усмехнулся князь. — Ну что ж...

Крепко помнил князь Всеслав колдовскую науку, а того крепче — клятву свою: невинному во вред ее не использовать. А какой же здесь вред выйдет? Вроде никакого, так, баловство одно. И сыновей развлечь.

Когда в следующий раз юноша Владимир на порубном задворке показался, так Всеслав к оконцу подошел, брови насупил и внимательно так на троюродного братца и поглядел...

Поднял Владимир взгляд, посмотрел прямо в глаза князю-оборотню, да так и утонул в их темной глубине. И не хочет, и сопротивляется во всю

силу, а ноги словно сами к оконцу несут. Шаг сделал к порубу, другой, третий. Вот уж вовсе вплотную подошел...

— Ну что, братец, — белыми волчьими зубами оскалился Всеслав. — Отец клятву нарушил, а сын — исправит ли? Выпустишь меня из поруба, а?

— Н-не... — силится сказать Владимир. Но губы не слушаются.

— Иди к стражнику, прикажи ему. Скажи: по велению Хорса да Сварога, отпусти немедленно князя Всеслава Брячиславича.

— Крест на мне! — почти отчетливо выговорил Владимир, сжал на груди рубаху вместе с крестом, пошатнулся от напряжения.

— А что крест? — притворно удивился Всеслав. — Отец твой тоже на кресте клялся. Иди! Я сказал: иди! — глаза-омуты полыхнули янтарным волчьим огнем.

Спотыкаясь, опустив голову, пошел Владимир к стражнику. Что уж там промеж них было, Всеслав не слышал, но только стражник рот рукой зажал, а другой быстро-быстро креститься начал. Юноша Владимир тоже за горло хватается...

— Ладно, отпускаю тебя! — зычно, на весь двор, закричал Всеслав. — Иди подобру-поздорову и другой раз не любопытствуй попусту. Идешь к узникам, хоть хлеба с медом принеси...

Владимир, пригнувшись, почти бегом скрылся со двора.

Вслед ему зычно хохотал Роман. Борис же глядел исподлобья.

— Зря ты это сделал, отец, — заметил он. — Такие, как этот Владимир, обиды всю жизнь помнят. И мстят за них.

— Так я потому и поиграл с ним, — беспечно махнул рукой Всеслав, — что он мне сильным глянулся. Достойный противник — воину не в укор, а в награду.

К вечеру пригожая молодайка, таясь, принесла в поруб корзину с разнообразной снедью.

— Не иначе, с княжеского стола! — обрадовался вечно голодный Роман. — Но от кого же? Скажи, красавица!

— Не велено говорить, да как от такого молодца утаишь, — засмеялась девушка. — Княжич Владимир велел отнестъ.

— Ну вот, а я что говорил, — заметил Всеслав, вонзая зубы в сочное, хорошо прожаренное мясо. — Вполне достойный княжич оказался.

Роман горячо закивал с набитым ртом, а Борис только молча покачал головой.

На исходе того же лета на Русь обрушились полчища степных кочевников половцев во главе с ханом Шаруканом. Русские князья попытались дать им достойный отпор. На реке Альте объединенное войско Изяслава Киевского, Святослава Черниговского и Всеволода Переяславского почти целые сутки билось с отрядами Шарукана.

Но половцы оказались сильны, русские войска потерпели поражение и вместе с князьями бежали с поля боя. Святослав отправился в свою вотчину, в Чернигов, а Изяслав с Всеволодом — в Киев.

Киевляне, участники ополчения, которые уже сражались с Шаруканом,

прекрасно понимали всю опасность вторжения половцев внутрь Руси. Они хотели продолжать борьбу и открыто говорили об этом. Но вот беда — не было у простого киевского народа ни оружия, ни коней.

На торговой площади на Подоле, вдали от княжеских палат, 15 сентября 1068 года (летопись сохранила для нас точную дату) собралось народное собрание — вече.

— Пойдем к нашему князю! — шумят самые могучие из мастеров — кожемяки и кузнецы. — Пусть вооружит нас, и мы сами разобьем поганых врагов. Смерть Шарукану!

— Смерть! Постоим же, братья, за землю русскую! — вторит народ.

В конце концов вече решило немедленно начать поход против половцев и направило депутацию к великому князю Изяславу.

— Половцы хозяйничают в нашей земле, — заявили посланцы. — Так дай же, князь, нам оружие и коней, и мы снова будем биться с ними!

Изяслав Ярославич отказал народным посланникам. Трудно сказать наверняка, почему он так поступил. Может быть, из скупости? А может быть, боялся вооруженного народа, который далеко не во всем одобрял своего князя?

Узнав от посланцев об отказе, киевляне возмутились и прямо с вече двинулись на киевскую Гору, в крепость. Поначалу они хотели лишь отыскать там и наказать княжеского воеводу Коснячку (считалось, что это он дает князю дурные советы).

Пришли на воеводский двор, но Коснячки там не нашли. Сбежал воевода от греха подальше.

Пограбили маленько воеводское подворье (куда ж без этого!) и двинулись дальше — освобождать заключенных из княжеской тюрьмы. Там томились

те, кто был не согласен с политикой великого князя Изяслава, а может, и те, кто симпатизировал плененному Всеславу Чародею.

— Пойдем освободим дружину свою из погреба!

И вот уже темница открыта восставшим народом, а обиженные князем — на свободе.

В это время площадь перед теремом великого князя уже была забита людьми, плотно стоявшими плечом к плечу. Выборные от вече спорили с князем, настаивали на немедленном продолжении войны с половцами.

Изяслав, окруженный боярами, смотрел из оконца галереи на толпу. Боярин Тука прошептал ему на ухо:

— Видишь, князь, люди взбунтовались! Пошли стражу к Всеславовой темнице! Как бы не освободили его тебе в укор!

Именно в это время вместе с освобожденными узниками во дворе появились киевляне, которые только что порушили княжескую тюрьму.

— Видишь, князь, дело плохо! — сказали бояре. — Пошли людей к порубу Всеслава. Пусть его обманом подзовут к оконцу и убьют, пронзив мечом.

Изяслав не решился, а может, просто не успел отдать страшный приказ.

Народ с ликующими криками бросился освобождать Всеслава.

Увидав это, Изяслав вместе с братом Всеволодом тотчас бежали из Киева, прихватив накопленные сокровища.

У поруба Всеслава стоял с мечом верный Вылка. Он давно жил в Киеве, скрывался от княжеских соглядатаев и подозревал, что в опасный момент коварный Изяслав может отдать приказ умертвить Всеслава. Теперь, как и много лет до того, он стерег князя, готовый отдать за него жизнь. Поняв, что мастеровые с Подола пришли не убивать, а освобож-

ВЛАДИМИР ВСЕВОЛОДОВИЧ МОНОМАХ (1053—1125)

Сын Всеволода Ярославича. В «Поучении детям», написанном на склоне лет, Мономах писал, что начал ходить в походы с 13 лет и совершил 83 больших похода. Не все сражения были для него удачными, но в конце концов он всегда не силой, так хитростью добивался успеха. В разное время своей жизни Мономах успел посидеть на Ростовском, Смоленском, Черниговском и Переяславском столах. В 1113 году Владимир был призван боярством на княжение в Киев и с этого времени стал верховным правителем Руси. Успешно воевал с половцами. При нем и по его указу были построены мост через Днепр и много каменных соборов в различных городах Руси. В «Поучении детям» Владимир описывает, каким, по его мнению, должен быть идеальный князь.

дать Всеслава, Вылка отступил в сторону. Киевляне тем временем разрубили топорами сплошные стены поруба и освободили князя Всеслава и его сыновей. Узнав же о бегстве обоих Ярославичей, народ «прославил Всеслава посреди княжа двора», то есть провозгласил великим киевским князем.

— Вот уж о чем не думал, не гадал, так это о Киевском престоле, — усмехнулся новоизбранный великий князь, заметив рядом с собой верного Вылку.

Роман, вооружившись откуда-то взявшимся мечом, прикрывал отца сзади. Борис стоял слева и, как всегда, ожидал какого-нибудь подвоха.

— Чего желаешь, князь?!

— Баню! И рубаху чистую! А после с остальными делами разберемся.

— Баню для великого князя Всеслава Брячиславича!

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

Всеслав-князь людям судяше,
Князем грады рядяше,
А сам в ночь волком рыскаше;
Из Киева дорискаше до кур Тмуттороканя;
Великому Хорсови волком путь прерыскаше.

«Слово о полку Игореве»

Молодой, нарядно одетый, хотя и изрядно запыленный воин почтительно поклонился Всеславу, начал было говорить, но Всеслав не дослушал, вскочил, тряхнул посланника за плечи:

— Ставр, говори скорее, как живут-могут в родимой сторонushке. Это я, Всеслав Полоцкий! Не признал, что ли? Помнишь, с Рогволодом тебя на плечах по двору таскал? Волчью шкуру на себя надевал, пугал вас, неумышленных, а вы за овином прятались? Ну?

Юный Ставр, и вправду с младенчества друживший с одним из младших сыновей Всеслава, потупился, покраснел от смущения.

— Больно ты важен теперь, князь. Сидишь высоко, глядишь далеко. Пока к тебе в покои прошел, три стражи миновал.

— Да ну! — Всеслав с досадой махнул рукой. — Так тут еще с Ярослава заведено. Потом Изяслав здесь сидел, над сокровищами, как Кощей, чах. Я уж стараюсь почаще на двор выходить, да не токмо бояре с дружинниками, слуги косятся. Как там княгиня, княжата?

— Княгиня поклон тебе шлет. Скажи, мол, там князю: скучаю по соколу своему, тревожусь о нем. Здоров ли, благополучен?

— Ой, не врешь ли?! — усмехнулся Всеслав. Уж больно такие речи на княгинины непохожи. Вот если бы честила меня на все лады, требовала, чтоб

немедленно на отчий стол вернулся и делом занялся, тогда — да. Или уж наоборот: наказывала ее с детьми в стольный Киев выписать. Тогда тоже понятно. А так...

— Как я могу? — больше удивился, чем возмутился Ставр. — Да вот грамотку малую тебе передать наказывала, там все и написано.

— Понятно. Давай сюда, — Всеслав скрыл улыбку. В отличие от него само-

го, княгиня писала и читала с трудом. А писцам разве сердечные слова доверишь? Ладно. Будем думать, что княгиня и вправду в разлуке истомилась. — А как там, на Полотчине?

— Ничего. Борис и Вылка-огнищанин (огнищанин — ближний боярин, ведающий всем княжеским хозяйством) приехали, порядок в податях и прочих делах навели. Урожай люди хороший собрали. Леса, как всегда,

по осени горят, но не то, чтоб очень много. А так... Все о тебе горюют, княже. Гадают, насовсем ты отцовский стол на Киевский сменил или как? Велели мне у тебя доподлинно выпросить и им потом доложить. Каждый советы давал, да все об одном, — Ставр перестал дичиться, заулыбался: — И княгиня, и Вылка, и княжичи младшие, и ключница-старуха, и водовоз у ворот — все ждут тебя, Всеслав Брючиславич!

— Да я еще и сам не понял, — Всеслав покачал головой, потерял кожаную повязку, как делал всегда в минуту замешательства. — Сиж тут, суд правлю, с делами управляюсь, народ киевский вроде на меня не в обиде, а иногда ночью и накатит: и чего я тут, когда у меня своя земля есть? Так всю ночь и пролежу без сна. А утром чудится: не в Киеве к заутрене звонят, а в Полоцке, у собора нашей Святой Софии...

— Точно так, — истово закивал полочанин Ставр, побуждая князя говорить еще и еще. — У Софии в Полоцке звонят, а ты здесь слышишь.

— Так бы и побежал в ночи серым волком да к родимой сторонухе! Знаешь, небось, как про меня рассказывают-то?

— Слышал, как не слышать!

— Так вот, серым волком или туrom рано или поздно и побегу.

— Так и передать можно? — Ставр расплылся в счастливой улыбке и едва удержался от того, чтоб по-мальчишески не подпрыгнуть на месте.

— Передай... Только осторожно, чтоб людей понапрасну не тревожить. Нынче-то получается, что я за киевлян в ответе. Их-то князя разбежались все, они меня на стол своей волей и посадили. Понимаешь?

— Стараюсь, — серьезно кивнул Ставр, и радостная улыбка погасла.

...В небольшой пещерке горит лампадка. Суровый лик смотрит с потемневшей от времени доски. Невысокий изможденный человек в темной рясе сидит на грубо сколоченном деревянном табурете. Глаза из-под спутанных седых волос глядят остро и требовательно. Князь Всеслав стоит у самого входа, пригнув шею и все равно едва не касаясь головой потолка. Сесть более некуда, разве что на клочок овчины на земляном полу. Ясно, на нем не сидят — на коленях стоят у икон во время молитвы.

— Крещен ли ты, князь-чародей?

— Крещен! Вот и крест ношу.

— В церковь ходишь ли? Говеешь, причащаешься?

— Я... Отец Антоний, я стараюсь, но ведь в воинских походах, сам знаешь...

— Не знаю, — сурово отвечал монах. — Потому что в воинских походах не бывал.

— Ну да, конечно! Я не подумал.

— Чего ж ты от меня хочешь, князь?

— Покоя хочу для всей земли русской. Гляди, что делается-то: внутри брат на брата встает, а сбоку всяк, кому не лень, укусьнуть норовит...

— А что ж для себя? Тебе, выходит, покой и не нужен?

— Выходит, так, — Всеслав еще ниже опустил голову. — В душе сызмальства кипит что-то. Говорили, что только Христос Иисус в этом помочь может.

— Кто говорил-то?

— Волхвы полочанские...

Инок сплюнул и несколько раз перекрестился. Всеслав не сдержал усмешки:

— Не любишь волхвов-то? А они тоже кое-что могут. Я знаю.

— Сила их бесовская, — наставительно произнес монах. — И мне с тобой об этом даже разговаривать и то грешно.

— А как же понять, если не разговаривать? — удивился Всеслав.

— А вот так! — Антоний поднял скрюченный палец. — Веровать надобно — и все будет.

— И покой? — спросил князь.

— И покой, — кивнул монах. — Душа твоя мятежная успокоится, и жар, про который ты говорил, отступит.

— А когда?

— Когда Богу будет угодно.

— Ну что ж, спасибо, что поговорил со мной и надежды не лишил, — Всеслав поклонился монаху и вышел из пещерки.

Постоял, жадно вдыхая талый весенний воздух. Привычным жестом

поправил повязку на голове. Пожал плечами и, широко шагая, пошел к привязанному у ольхи коню.

— В общем, ясно, — пробормотал он себе под нос. — Верно люди говорят: на Бога надейся, а сам не плошай.

В это же самое время изгнанный киевлянами Изяслав Ярославич отправился за помощью к польскому королю Болеславу II Смелому, своему двоюродному брату (мать Болеслава — дочь Ярослава Владимировича, отца Изяслава). Родство-то родством, да только немало серебра, золота и других сокровищ запросил польский король за обещание дать войска. Но Изяслав заплатил, да еще посулил и после, в Киеве, щедро расплатиться с Болеславом и его воина-

АНТОНИЙ ПЕЧЕРСКИЙ (983—1073)

Родился в городе Любече. В правление Владимира Святославича совершил паломничество в Царьград, где и был пострижен в монахи в одном из монастырей. Возвратился на Русь и жил в пещерке под Киевом. В дальнейшем основал Киево-Печерский монастырь, в котором стал игуменом. Узнав о его благочестивой жизни, многие люди приходили к нему за благословением, советом. Вскоре Антоний отказался от руководства монастырем и снова стал жить отдельно, предаваясь посту и молитве.

В 1069 году он был вынужден бежать от гнева Изяслава в Чернигов, так как его обвиняли в поддержке Всеслава Полоцкого (скорее всего, обвинение было ложным). В 1073 году Антоний возвратился в Киев и вновь стал игуменом Киево-Печерского монастыря.

После его смерти Русская православная церковь причислила Антония к лику святых.

ми. Болеслав золото взял, обещаниям поверил (о киевских богатствах много слышал) и стал собирать войско в поход на русские земли.

Спустя полгода после освобождения Всеслава из поруба, Изяслав вместе с Болеславом и польским войском двинулся к Киеву.

Всеслав, собрав ополчение из киевлян, вышел ему навстречу. Возле Белгорода противники встретились и встали двумя лагерями. Начинать сражение никто не торопился.

Поляки неуютно чувствовали себя в чужой земле. Густые леса скрывали вооруженных луками разведчиков противника, странные крики неслись из чащоб. Возле костров люди

Изяслава, позабыв о том, чему сами были свидетелями, захлеб рассказывали байки о том, как князь-чародей самолично развалил стены поруба, околдовал сына князя Всеволода, а потом и всех киевлян разом. Жутко...

Трудно было и киевлянам. Все-таки Изяслав Ярославич их князь, по закону принявший стол от своего отца, Ярослава Владимировича Мудрого, и драться с ним негоже. Но, с другой стороны, именно он привел на Киевские земли поляков, нанятых воевать с киевлянами за киевское же серебро и золото, полученное князем в податъ.

Да, узелок завязался крепкий, и непонятно, кому теперь под силу его развязать.

Решение принял Всеслав, возглавивший киевское ополчение. И было оно воистину мудрым и в точности повторяло решение, принятое когда-то древним героем: если узел не развязывается, его следует разрубить.

— Сколько здесь людей из моей полоцкой дружины? — спросил он у Романа, который неотступно находился при отце. Борис давно отбыл в Полоцк и в отсутствие отца княжил там под присмотром Вылки.

— Три десятка и еще семеро, не считая нас с тобой, — без запинки ответил Роман.

— Уходим! Сейчас, до рассвета!

— Сейчас?! Невозможно, отец! А как же киевляне? — осмелился возразить Роман, уже предвкушавший жаркую схватку. Как и Всеслав в отрочестве, он любил битву ради самой битвы. Сложные вопросы: с кем? за чем? почему? — его не занимали.

— За киевлянами их город. Изяслав — их князь, с ним — их знатные люди. Что за битва будет? Опять брат на брата, как на Немиге? Довольно

с меня. Чтоб кровь не лилась, кто-то должен уйти.

Роман опустил голову, закусил губу. Видно было, что странные речи отца ему не по нраву. Но Всеслав уж принял решение. Кто возразит?

— На коней! — скомандовал Всеслав. — С собой ничего не брать.

Команды во Всеславовой дружине издавна передавались по цепочке, от человека к человеку. Каждый знал, от кого получает приказ и кому передает сам.

Не прошло и получаса, как на просторной лесной опушке собралось тридцать девять человек. Все молча смотрели на князя.

— Домой едем, — негромко сказал Всеслав и тронул коня. Полы плаща взметнулись за спиной, как крылья диковинной птицы. Где-то протяжно заухала сова, пискнул спросонья кулик в болоте, искрами перечеркнули небо несколько падающих звезд.

— Вот и мы так! — кивнул Ставру скачущий рядом дружинник, ровесник Всеслава. — Мелькнули — и нет нас. То-то киевляне завтра подивятся!

ИЗГНАННИК

Хоть и вещая душа у него в храбром теле, но часто от бед страдал...

«Слово о полку Игореве»

Киевляне и вправду подивились и даже испугались немного. Как это — с вечера был князь, и дружина его была, а нынче — стоят пустые шатры со всеми пожитками, и даже угли от костров и похлебка в котлах не остыли. Не иначе, опять без чародейства не обошлось!

Так и доложили князю Изяславу: был князь Всеслав, да перекинулся вместе с дружиной волками и в лес убежал. Почему? Да кто ж его разберет? Может, тебя с поляками испугался, может, по родной стороне соскучился, а может, и просто серым зверем побегать захотелось. Надоело сначала в погребке, а после на Киевском столе сидеть, ни на минуту не отлучаясь. Что с чародея-то возьмешь? Вольная душа!

Лютая злоба кипит в душе Изяслава Ярославича. На кого излить?

Киевляне выгнали с отчего стола, подворье княжеское пограбили, жадный поляк Болеслав едва ли не всю казну в обмен на войско выторговал. Хотелось схватиться с наглым выскочкой — полоцким князем (эх, не послушал бояр, не послал убийц к порубу в тот проклятый день!). Но и здесь не получилось — ушел князь вместе с дружиной из-под самого носа. Кому мстить за свое изгнание, за беды и разорение? Братья тоже хороши...

Узнав про бегство Всеслава, киевляне собрали вече на Подоле и послали гонцов в Чернигов, к Святославу и Всеволоду: идите нами княжить, иначе город спалим, а сами разбежимся. И были-то невеликого ума, а под Чародеем, видать, и того лишились — шапки оземь побросали, ногами топтали.

Святослав, победитель половцев, встал в красивую позу: «Не дадим полякам топтать землю русскую. А если с малой дружиной Изяслав, то пусть обратно садится...»

Правильно братец рассудил, ничего не скажешь. И справедливость соблюдена, и свой интерес не забыт. Придет Изяслав с малой дружиной, и, если опять что случится, кто заступится?

Но делать-то Изяславу нечего. Расплатился с поляками остатками сокровищ, отправил польское войско назад. Король Болеслав, впрочем, остался в Киеве, якобы погостить, а на деле-то, небось, присмотреться: может, еще чем можно поживиться.

Все — враги. Все злоумышляют против Изяслава. Но ничего. Он еще всем покажет!

Договорившись обо всем с поляками, братьями и киевскими послами, Изяслав отправил вперед, в Киев, своего сына Мстислава, известного

людям своей неукротимостью и жестокостью.

Мстислав Изяславич и вправду взялся за дело всерьез. За несколько дней сумел вернуть значительную часть разворованного отцовского добра, велел убить тех, кто особенно рьяно помогал Всеславу во время его заточения и недолгого княжения.

За ним пришел в Киев Изяслав, подати повысил, торг и вече перевел на Гору, поближе к княжьему дворцу, во избежание новой смуты.

Угроза нависла даже над смиренным Антонием, настоятелем Печерского монастыря.

Донесли Изяславу, что не однажды вел он долгие беседы с мятежным князем-чародеем, какие-то ему советы да наставления давал. И сам Все-слав, даром что волхв-оборотень, а с большим уважением об ученом монахе отзывался... Дошел этот слух и до Чернигова.

Темной ночью люди Святослава Ярославича прискакали в монастырь с заводными конями и выкрали смиренного Антония.

Проснулись монахи еще до рассвета, пошли к заутрене, а отца-настоятеля нет. Исчез, растворился в ночи, как тот самый князь, с которым беседовал.

Понятно, что настроение Изяслава от этого не улучшилось.

Народ усмирен, местные изменники казнены. Но нет великому князю покоя. Безнаказанно ушел из Киева проклятый Всеслав. Сидит себе в богатом Полоцке и в ус не дует, над Изяславом посмеивается... Не бывать этому!

В начале осени Мстислав Изяславич с войском великого князя отправился воевать Полоцкую землю. Слух о его жестокости бежал впереди.

Что ж Всеслав?

Огнищанин Вылка, бояре да дружина — все в один голос твердят: надо готовить Полоцк к осаде, свозить в крепость припасы, жечь окрест стога и прочее, чтоб врагу не достались.

Самому подвергнуть родную землю разорению? Подставить Полоцк

грозному Мстиславу, гонимому собственной жестокостью, помноженной на злобу разобиженного великого князя?

Всеслав принял другое решение, как всегда, такое, которого от него и не ждали.

...— И куда же все подевались?! — Мстислав Изяславич, грозно насупив брови, глядел на сонного, туповатого на вид парня, которого ему представили как главного конюха.

— Ушли, однако...

— Куда ушли?

— В лес, должно. Куда у нас еще идти-то, коли леса кругом? Были бы степи, в степь ушли, так я думаю...

Мстислав не мог отделаться от ощущения, что парень над ним издевается. Но и казнить дерзкого не мог. Надо же от кого-то узнать, почему пуст

княжеский двор. Не станет же князь баб по чуланам ловить да допрашивать?

— А князь с княгиней и княжатами где?

— И они ушли.

— А дружина, воины? Почему никто нам навстречу не вышел Полоцк оборонять?

— Так дружина-то тоже ушла. А народу князь велел сидеть тихо и тебе покуда угождать. Чтоб ты, Мстислав Изяславич, не гневался.

— Покуда угождать, значит? А потом?

— А потом — как повернется.

— Вот как? А ты, значит, конюх?

— Ага! Смерд из смердов.

— А как же тебя звать?

— Ставром кличут.

— А где же кони твои?

— Князь с дружиной в лес увели.

— Да... С тобой, пожалуй, не договоришься. А где же остальные-то слуги? Тоже в лес ушли?

— Не-ет! Все здесь. Попрытались только, тебя боятся. Я покликать могу. Чего князь прикажет, то и выполнят. Кухарки у нас очень вкусно готовят. Особенно по осени хороши грибы.

— Ну ладно, покликай слуг, — усмехнулся Мстислав. — Пускай искусство свое покажут, а там, гляди, и помилую. Не так уж я страшен, коли мне не перечить.

После нескольких месяцев спокойного сидения на богатом Полоцком столе Мстислав Изяславич внезапно скончался. Был он перед самой кончиной бодр и вполне здоров. Может, простудился, может, чем заболел, а некоторые говорили: грибами отравился...

...В далеких северных лесах в вихре опавших листьев и первого ноябрьского снега стремительно несется всадник на диком, храпящем от воз-

буждения коне. Плащ за спиной подбит багрянцем — не то рассвета, не то заката.

Вот остановился на берегу лесной черной речушки. Скользя, опираясь руками, спустился к самой кромке, зачерпывает темную, пахнущую торфом воду, горстями льет на голову, плещет в разгоряченное лицо.

Князь Всеслав борется со сжигающим его изнутри огнем.

Изгнанник. Беглец. Княгиня с сыновьями живут в надежном лесном скороне. А он что же? Он же воин, князь, не пещерник смиренный. А может, надо было бы в пещерку, в избушку земляную? И там силой духа, голодом да молитвой или уж обрядами колдовскими смирять сжигающий изнутри пожар? Нет, у него другая задача. Ему нужно выждать, а после вновь занять отцовский стол. Не разоренный, не сожженный огнем. Пусть лучше огонь его самого

жжет. Он, князь-чародей, князь-оборотень, удивительный воин, про которого и сказы рассказывают, и песни поют. Тот, кто за ночь от Киева до Тмутаракани пробегает, к которому в дружину хоробры со всей Руси идут. Он должен выдержать. И выдержит! А пока...

Белоглазая водь да племя ижорцев, у которых волосы цвета пеньки, издавна считались союзниками Новгорода. Никогда с новгородцами не воевали, да и откуда силы взять? Новгород силен! А оба племени ди-

кие, живут в густых лесах, каменные топоры и тесаки в ходу, городов не строят, вроде бы крещеные, а на деле и не поймешь, кому поклоняются.

И вот зимой, в мороз, когда, вроде бы, и не воюет никто, вдруг объявились недалеко от Новгорода полки вожан да ижорцев. Полки? Само по себе диво. Никогда водь строем не воевала и слов-то таких не знала. Что такое? Откуда?

Разведчики новгородские (из тех же вожан, между прочим) скоро

прознали: ведет вожанские полки старый новгородский знакомец — князь Всеслав Брючиславич Полоцкий. Тот самый, который колокола со Святой Софии снимал. Ах как обозлились заводные новгородцы! Опять этот Всеслав к нам лезет! Ну, покажем ему! А водь-то белоглазую криком распугаем, шапками закидаем! В этот раз живым с Новгородской земли не уйдет, чародей проклятый!

Мигом собрали ополчение, вооружили самым лучшим оружием, которое нашлось. Во главе встал князь

Глеб Святославич, который как раз недавно в Новгород прибыл.

Вышло ополчение из города — и на врага! Все произошло, как и предполагали новгородцы. Вояки из вожан и ижорцев — никакие. Сразу нарушили строй, стреляют из луков абы куда, а после и вовсе побежали в разные стороны.

— Ату их, ату! — в новгородцах охотничий азарт проснулся. Дичь бежит, значит, догнать ее, убить.

И вдруг на пути — князь Всеслав со своей знаменитой дружиной. Полным строем, знамя на древке полочется, как будто не в лесу, а на княжьем дворе перед походом красуются. Помереть, что ли, собрались красиво? У князя Глеба Святославича людей-то вдесятеро, считай, больше.

Удивились новгородцы, притормозили слегка.

— Чего это ты задумал, князь Всеслав?

— Отпустите вожан, пусть бегут с Богом. Я их смутил, против вас воевать подговорил. Я и в ответе. Ваша победа, и вот он я — ваш пленник. Берите меня, коли желаете, и дружину мою...

— Вот только дружины твоей нам в Новгороде и не хватало, — посоветовавшись, проворчали новгородцы.

Злоба злобой, однако весь запал-то князь и перебил. Что ж, вот так идти и убивать людей, которые перед тобой стоят, оружие опустив? Нет, никак невозможно.

— Ты и еще трое ближних по твоему выбору поедете с нами. А остальные пусть идут прочь Христа ради и больше против Новгорода не замышляют.

В богатых покоях у новгородского князя, как в сказке, мед-пиво льется рекой, на расписных блюдах дымится дичина с пареной моршшкой, а вдоль

стола на блюдах аппетитно разложены розовые моченые яблоки, холодец с хреном, варенная в меду репа да рассыпчатая пшенная каша с маслом. Кто же пирует-то?

Да князь Всеслав Полоцкий с князем Глебом Святославичем и новгородцами. Звучат здравицы во славу Великого Новгорода. Желают и князю Всеславу снова отчий стол вернуть. Льется пенное пиво и хмельной мед...

А ведь убить князя обещались, но не сложилось как-то. Глаз у князя темный, вострый, хитрый. Может, заговорил как-то новгородцев, обаял, а может, и колдовство какое применил. Кто теперь разберет?

В общем, отпустили князя Всеслава честь по чести вместе с ближними его. На прощание взяли клятву впредь никогда с Новгородом не воевать. Всеслав слово дал, а новгородцы поверили. Князь Всеслав — не Ярославичи. Дал слово — держит, это все знают.

А после ухода князя опять нескольких самых отчаянных парней не досчитались. Ушли в колдовскую дружину князя-чародея.

На место внезапно умершего Мстислава Изяслав послал другого своего сына — Святополка Изяславича.

Страшно Святополку в Полоцке. Вроде все кругом послушны, услужить готовы, улыбаются... А кажется, будто зубы скалят. Брат Мстислав силен был, храбр, а и нескольких месяцев не прокняжил.

Святополк не особенно храбр и до ратных подвигов не охоч. Он книжник — в деда, Ярослава Мудрого. Ему бы книжки почитать. Много их у Всеслава! Есть редкие, интересные, с картинками-миниатюрами, Святополк таких и не видел никогда.

Дружинники рассказывают: ходили намеренно на охоту, так волк на поляну

выбежал. Ростом с коня, воротник серебряный, а глаза янтарные — чело-вечьи. Ясно — оборотень. Пытались его крестом святым прогнать, а он стоит себе и будто улыбается. Постоял, постоял и обратно в лес ушел. Может, то сам князь Всеслав был? Намекал, что, мол, недолго тебе на моем столе сидеть осталось.

Сидел Святополк в Полоцке тихо, ел только то, что свой кухарь приготовит, на охоты да потехи не ездил. Книжки читал.

Когда стражники с дальних дозоров доложили, что движутся к Полоцку полки Всеслава Брячиславича (откуда полки-то? — неясно; но у страха, как известно, глаза велики), а в составе войска едва ли не стая волков и один тур с золотыми рогами, Святополк долго раздумывать не стал. Прихватил с собой полюбившиеся книги и сбежал вместе с дружиной без боя, оставив Полоцк подходившему из лесов Чародею.

О книжках Всеслав погоревал, ловкого Ставра похвалил и щедро награждал. Последний при обоих князьях Изяславичах службу нес, все новости до Всеслава доносил и слухи об оборотнях и других чародействах исправно разносил.

И сел Всеслав Брячиславич княжить на отчий стол.

КНЯЗЬ НА ОТЧЕМ СТОЛЕ

А и молоды Волх тут царем насел,
А то стали люди посадские,
Он злата-серебра выкатил,
А и коней, коров тавуном делил,
А на всякова брата по ст҃у тысячей.

Былина о Волхе Всеславиче

Семь сыновей родила князю Всеславу
княгиня Потвора.

Выросли все как на подбор — стат-
ные, рослые, смышленные. И все се-
меро ждут отцовских наставлений.
Научи, отец, как правильно княжить.

«А я откуда знаю? — так и хочется сказать. — Но ведь не скажешь.

Надо отвечать. Только что?

Жил, княжил, воевал, мирился. Нынче жизнь уж к закату движется. Что было главным? Без чего можно было и обойтись? В чем основной урок длинной жизни, долгого княжьего труда?»

Без малого пять десятков лет Все-слав Брячиславич — полоцкий князь. Вместе с отцом Брячиславом Изясла-вичем княжили почти полный век. Такое на Руси в диковинку. Бывало, и десяти лет князь не просидит: кого в битве убьют, кого болезнь унесет, а кого и родные братья или племянни-ки жизни лишат.

Как живет людям при Всеславе? После истории скажут: «время рас-цвета Полоцкого княжества». А что самому Всеславу сказать?

Два раза приходил на Полоцкую землю Владимир Всеволодович Мо-номах. В первый раз сжег и пограбил Минск, второй раз — разорил окре-стности Полоцка. На сам Полоцк на-пасть не решился — слишком хорошо укреплен и силен город. Прав, навер-ное, был Борис: злопамятным оказал-ся Владимир Всеволодович, не сумел простить юношеской обиды.

Был еще поход на Смоленск, и дру-гие походы. В этом ли суть? Нашел ли, сумел ли обрести желанный по-кой? И не скажешь сыновьям, как ему самому когда-то говорил отец, князь Брячислав: вырастешь, пой-мешь. Давно выросли сыновья. Ждут ответа. И нет уж в живых ни старого, ни молодого волхва, нет и мудрого от-ца Антония. Не у кого больше спро-сить. У самого спрашивают. Семь пар жадных глаз смотрят в отцову душу: «Ты уж полвека княжишь, и земля под тобой цветет. Научи, наставь!»

Где ответ?

...Мягкими крыльями южного вет-ра взмахнула весна над Полоцкой зем-лей. Медленно едет по лесной дороге всадник на могучем коне. Седые воло-сы выются по ветру из-под кожаной повязки. Цветет в лесах черемуха, плывут по ручьям белые лепестки.

Нежным венчиком распускаются белые горошинки ландышей. Мягким ковром стелется шелковая трава на лугах. Всадник осаживает коня, сле-зает с него, подносит к лицу душистую ветвь черемухи.

Пищат в гнездах большеротые птенцы. В глухих чащобах встают на тоненькие ножки пятнистые граци-озные оленята. Маленькие мышата с бархатными ушками берегутся грозной совы. Между корней веково-го дуба возятся в логове головастые волчата.

Всадник ведет коня на поводу, опу-скается на колено. Наклонив голову, слушает голоса птенцов в ветвях и мы-шинный писк в траве.

На полях люди давно закончили сев, уже показались из земли голубо-ватые ростки овса, первые нежные всходы ржи и ячменя.

Всадник неторопливо едет вдоль ов-ражка-межи, разделяющего поля, жадно принюхивается к запаху не-давно разбуженной земли, слушает песню жаворонка над головой и...

...Вот ответ, который знал всегда, но так долго не мог выговорить! И как же он прост! Любить родную землю, завещанную отцом, ценить ее богат-ства и красоту, оберегать от врагов и недоли. Как же все просто и мудро. И ведь именно это хотел сказать ему отец, именно об этом разными словами говорили волхвы и старец Антоний...

Все просто. И как хорошо, что он наконец понял это и обрел покой.

А дальше — пусть живут легенды.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ КНЯЗЯ ВСЕСЛАВА ПОЛОЦКОГО

1001—1044 гг. — Правление Брячислава Изяславича, отца Всеслава.

Около 1024 г. — Рождение Всеслава Брячиславича Полоцкого.

1044 г. — Смерть Брячислава и начало полоцкого княжения Всеслава.

1050—1060 гг. — Строительство собора Святой Софии в Полоцке.

1060 г. — Совместный поход Ярославичей и Всеслава на торков.

1065 г. — Неудачная осада Всеславом Пскова.

1066 г. — Всеслав с дружиной захватил и разграбил Новгород.

3 марта 1067 г. — Битва между Ярославичами и Всеславом на реке Немиге.

1067 г. — Пленение Всеслава и двух его сыновей князьями Изяславом и Всеволодом.

1068 г. — Половцы разбили объединенное войско русских князей в битве на Альте.

15 сентября 1068 г. — Восстание в Киеве, в результате которого Всеслав становится великим киевским князем.

Апрель 1069 г. — Бегство Всеслава в Полоцк.

1069—1072 гг. — Всеслав в изгнании, в Полоцке княжат сначала Мстислав Изяславич, а после его смерти — Святополк Изяславич.

1069 г. — Неудачный поход вожан и Всеслава на Новгород.

1072 г. — Всеслав снова занимает Полоцкий стол.

1078 г. — Поход Всеслава на Смоленск.

1078 и 1084 гг. — Походы Владимира Мономаха на Полоцкую землю.

1101 г. — Смерть Всеслава. Полоцким князем становится Роман Всеславич.

СОДЕРЖАНИЕ

Рождение Всеслава.....	3
Обучение князя.....	10
Всеслав-воин.....	19
Восстание киевлян.....	27
Великий князь.....	32
Изгнанник.....	37
Князь на отчем столе.....	45
Основные даты жизни князя Всеслава Полоцкого.....	47

Екатерина Вадимовна Мурашова

КНЯЗЬ-ЧАРОДЕЙ

ВСЕСЛАВ ПОЛОЦКИЙ

Художник Андрей Леонидович Мазин

Для среднего школьного возраста

Одна из самых таинственных личностей древней русской истории — полоцкий князь Всеслав, прозванный в народе Чародеем. О нем слагались былины и легенды, его имя не раз упоминается в «Слове о полку Игореве», он является и героем этой книги.

Издательство «Белый город»

Генеральный директор К. Чеченев
Директор издательства А. Астахов
Коммерческий директор Ю. Сергей
Главный редактор Н. Астахова

Редактор Н. Старостина
Художественный редактор В. Чапля
Ответственный редактор Т. Федорина
Корректор Т. Шальнева
Компьютерная верстка: М. Попова

ISBN 5-7793-0838-1

Лицензия ИД №04067 от 23 февраля 2001 г.

Издательство «Белый город»,
111399, Москва, ул. Металлургов, 56/2
Тел.: (095) 916-55-95, 304-54-64, 305-59-29,
688-75-36, 688-75-36, (812) 265-41-39
Факс (095) 916-55-95, (812) 567-54-15
E-mail: belygorod@mail.ru

По вопросам приобретения книг
по издательским ценам обращаться по адресу:
111399, Москва, ул. Металлургов, 56/2
Тел. 916-55-95
E-mail: palamed@aha.ru

Отпечатано
в типографии ГУП ПИК «Идел-Пресс»
420066, г. Казань, ул. Декабристов, д. 2
Дата подписания в печать 10.10.2004 г.
Гарнитура SchoolBook; печать офсет,
формат 84 x 108, 1/16

Тираж 5000 экз. Заказ Э-837

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

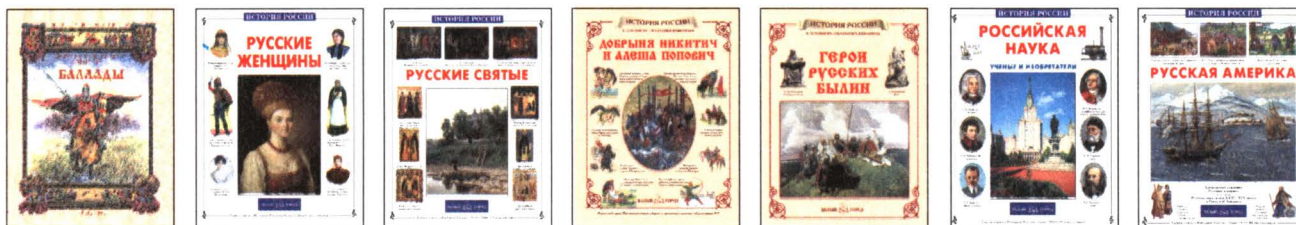
Серия «История России» — единственная в своем роде серия книг для детей, наиболее полно раскрывающая перед юным читателем весь уникальный мир русской истории.

Серия выпускается с 1998 года и насчитывает уже более 70 книг.

Интересный текст и хорошее иллюстрирование сделали ее очень популярной.

Тираж серии в 2003 году достиг 1 000 000 экземпляров!

Мы благодарим наших читателей за поддержку. Приятного Вам чтения!

А также:

XX век

Александр I

Благословенный

Александр II Освободитель

Александр III Миротворец

Александр Невский

А.С. Пушкин

Антарктида

Боги древних славян

Борис и Глеб

Век переворотов
и фаворитов

Великие князья

Великие полотна

Вещий Олег

Владимир Мономах

Война 1812 года

Георгиевские кавалеры

Герои русской истории

Города России

Гражданская война

Деревянное зодчество Руси

Древняя Русь

Дуэли

Екатерина Великая

Золотое кольцо

Иван Грозный

Илья Муромец

История Москвы

Клады и сокровища

Крещение Руси

Куликовская битва

Легенды Древней Руси

Легенды русских монаш-
тырей

Литература Древней Руси

Ломоносов

Московские святые

Московские тайны

Народный календарь

Народные промыслы

Николай I

Петр I

Предсказатели и пророки

Ордена и награды

Российский флот

Русские живописцы

Русские колумбы

Русские композиторы

Русские писатели

Русские победы

Русские полководцы

Русско-турецкие войны

Садко

Самозванцы

Святослав

Святые России

Северная война

Северная столица

Славянская мифология

«Слово о полку Игореве»

Суворов

Цари и императоры

Юрий Долгорукий

Готовятся к выпуску:

Война народная

Русский военный костюм

Павел I

Природа России

ISBN 5-7793-0838-1

9 785779 308380

КНЯЗЬ-ЧАРОДЕЙ

ВСЕСЛАВ ПОЛОЦКИЙ

Долго молилась княгиня, чтобы послали боги сына — наследника всего Полоцкого княжества

Старый дружинник учил молодого княжича не только ратному делу, но и терпению и мужеству

Мальчишки дразнили юного Всеслава «оборотнем»

Кровавой была сеча на реке Немиге, где сошлись друг против друга Всеслав Полоцкий и братья Ярославичи

Отправился Всеслав с сыновьями Борисом и Романом договариваться о мире с Ярославичами

На могиле родителей поклялся князь быть достойным и справедливым правителем

Всю жизнь помнил Всеслав главный завет отца — любить и защищать родную землю

Собрал княжич «дружину» из мальчишек и стал обучать ее военным хитростям

БЕЛЫЙ

ГОРОД